

ЭКСПЕРТ.УРБАН

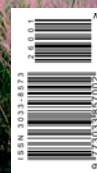
ЭКСПЕРТ

№1 (1) Июнь 2026 г.

4
Главная тема
От квадратных метров —
к эмоциям

22
Герой
Сергей Кузнецов
об архитектуре сегодня и завтра

32
Рейтинг
Сергей Скуратов —
лучший архитектор Москвы XXI века

Восстановление утраченного ж/д павильона

Интеграция бизнес-класса в сформированное окружение

Среда на Кутузовском

Так строится жизнь в Кунцево: новая среда в историческом зеленом районе

Воссоздание архитектуры
50-х

2-слойный силуэт застройки
сомасштабный человеку

Зеленые зоны сохраняют
взрослые деревья района

СОДЕРЖАНИЕ

4
Главная тема
Российская архитектура: меж двух огней

14
Позиция
Елена Ямпольская: «Новый стиль — вопрос культурного суверенитета»

18
Мнение
Этот смутный объект почитания

22
Герой
Сергей Кузнецов: «Идентичность рождается из непохожести»

28
Рейтинг
Лучший архитектор Москвы XXI века

32
Сергей Скуратов: «Главное в архитектуре — фигура творца»

38
Кейс
Интегрировать в городскую ткань

40
Вчера
Он был частью Москвы и ее продуктом

46
Завтра
Архитектура взросления

54
Комментарий
Красный кирпич и новая искренность

ЖУРНАЛ «ЭКСПЕРТ.УРБАН»
Учредитель и издатель: ООО «Эксперт.Медиа».
ОГРН 1227700140667

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ
ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ВЭБ.РФ И КБ СТРЕЛКА

Генеральный директор Мария Сергеева
Главный редактор Алексей Муратов
Редактор Елена Верещагина
Арт-директор Дмитрий Гиенко
Главный художник Анна Бабич
Выпускающий редактор Ольга Еременко
Корректор Екатерина Бородулина
Фоторедактор Галина Ганина
Иллюстрация на обложке: Ольга Мельникова
и Дарья Универсалоук

КОММЕРЧЕСКАЯ ДИРЕКЦИЯ
Коммерческий директор Анна Брук
Директор по маркетингу и PR Ирина Лосева
Ведущий менеджер по маркетинговым коммуникациям Инна Галлер

ОТДЕЛ РЕКЛАМЫ И МАРКЕТИНГА
Руководитель отдела по работе с ключевыми клиентами Ирина Красникова
Руководитель проектов Софья Напалкова
Руководитель отдела промышленности Анна Хороманская
Менеджер по продажам Алена Штаер
Проектный менеджер Юлия Алишина
Медиапланер Елена Левакова
Менеджер по документообороту Ольга Васильева
Специалист по документообороту Кристина Вольская

ОТДЕЛ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ
Руководитель отдела Татьяна Балыкина
Креатор Наталья Хорева

ЮРИДИЧЕСКИЙ И ПОЧТОВЫЙ АДРЕС
РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ
123242, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Пресненский, 6-й Новинский, д. 31, помещ. 1/7
Лицензия Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций серия ПИ № ФС 77-91122 от 30 марта 2026 г.
Телефон: +7 (495) 363-84-80, +7 (903) 363-84-80
e-mail: urban@expert.ru
www.expert.ru
По вопросам сотрудничества обращайтесь: reklama@expert.ru

Подписан в печать 20.05.2026 г.
№1 (1) Июнь 2026 г.
Тираж 40 000 экземпляров

ЖУРНАЛ ОТПЕЧАТАН
ООО «Издательско-полиграфический комплекс Парето-Принт» по адресу: 170546, Тверская область, Калининский район, Бурашевское сельское поселение, промышленная зона Боровлево-1, комплекс №3А
Номер заказа: 2943/26
Цена свободная. 16+

Алексей Муратов,
главный редактор
«Эксперт.Урбан»,
партнер КБ Стрелка

В интересное время живем. Доминирующие стили в архитектуре сменяются лишь раз лет в 20–30. Вот этот самый момент мы и наблюдаем. В первую очередь в Москве, но подтянутся и регионы.

На смену коробкам — пусть и разноцветным, но регулярных, ортогональных форм — приходят здания более замысловатые: замысленные, разукрашенные, нацеленные на вау-эффект. Посмотрите, что проектируется и строится: ЖК «Бадаевский», цирк в Мнёвниках, новый корпус СЭВ, «Николь Резиденс»... Все эти проекты объединяет попытка выйти за рамки архитектурного мейнстрима и привычного вкуса, противопоставить им нечто новое, выразительное и экзальтированное.

Последний раз похожее в Москве случилось в «лихие девяностые», во времена Лужкова. Впрочем, на протяжении XX века перемена направлений в нашей архитектуре наблюдалась регулярно: модерн, авангард, сталинский историзм, модернизм — и вот эпоха Лужкова. Смена художественного языка происходила каждый раз, когда накапливалась критическая масса причин — политических, технологических, экономических, социальных, на которые даже такая консервативная дисциплина, как архитектура, не могла не отозваться.

Сейчас все эти причины ой как весомы. Впервые с 1930-х всерьез заговорили о национальном стиле в архитектуре и городской среде, причем на президентском уровне. Созданы два совета: один (во главе с Еленой Ямпольской) занимается всей материальной средой, другой

(под руководством Дмитрия Швидковского) — архитектурой и градостроительством. Сходные попытки наблюдаются и у других сверхдержав. Китай под руководством Си Цзиньпина еще десять лет назад взял курс на национальную по характеру архитектуру — и теперь имеет самобытную школу, которая успешно работает на экспорт и берет «Притцкеров». Затем «проснулся» Трамп: двумя указами (последний — август 2025-го) предписал для госзданий неоготику, неоклассику, неоренессанс — и запретил модернизм. Курс Трампа и Си на культурную особость поддержали и мы. Архитектура, как в 1930-е, стала элементом большой политики.

Казалось бы, через некоторое время, когда все немного устаканится, на смену витиеватой архитектуре опять придет более «строгий» стиль — так и было во все времена. Так констатируют историки архитектуры, начиная с Генриха Вёльфлина с оппозицией линейного и живописного и заканчивая Владимиром Паперным с чересполосицей Культуры 1 и Культуры 2. На место всех этих эмоций и связанных с ними спиралей с завитушками всегда приходит рациональная архитектура — архитектура ровных стен и прямых углов.

И всё бы так, если бы не одно но. А именно искусственный интеллект. Если совсем недавно, чтобы рисовать «излишества», нужно было серьезно потрудиться, то теперь достаточно выдавать задания ИИ и корректировать полученные результаты. Это вместе с развитием модульных и аддитивных технологий, упрощающих производство самых разных форм и элементов, дает широкие возможности для самовыражения. Причем такие возможности получают не только архитекторы, но и интересующиеся — широкий круг людей, лишенных профессиональных сдержек, связанных с «цеховой» культурой. К чему приведет всё это, мы не знаем. Мы наблюдаем только начало процесса. Но очевидно одно: скучно уже не будет.

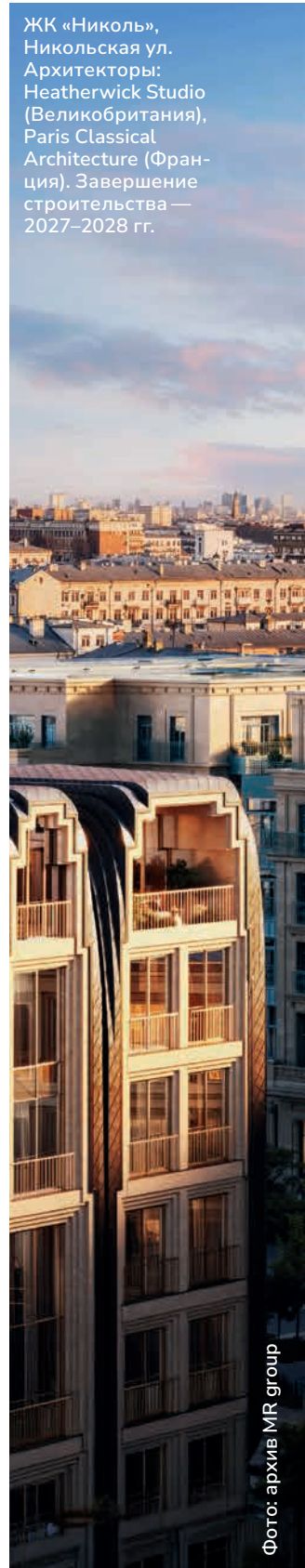
Главная тема

Текст: Илья Мукосей, архитектор,
креативный директор выставки-форума АРХ Москва

РОССИЙСКАЯ АРХИТЕКТУРА: МЕЖ ДВУХ ОГНЕЙ

Российская, и особенно московская, архитектура в последние 20 лет меньше всего выглядела инертной дисциплиной «из каменного века». Передовые строительные технологии, растущая скорость возведения зданий, адаптация самых передовых компьютерных решений, в том числе виртуальной реальности и искусственного интеллекта, — архитектура и строительство уверенно двигались к новым достижениям. Сохранится ли этот спокойный поступательный тренд теперь, когда мир вступил в эпоху непростых перемен — геополитических, технологических, социальных?

ЖК «Николь»,
Никольская ул.
Архитекторы:
Heatherwick Studio
(Великобритания),
Paris Classical
Architecture (Фран-
ция). Завершение
строительства —
2027–2028 гг.

ОТ КВАДРАТНЫХ МЕТРОВ — К ЭМОЦИЯМ

С появлением в 2012 году на посту главного архитектора Москвы Сергея Кузнецова столичная архитектура стала постепенно выздоравливать от детской болезни так называемого капиталистического романтизма и повернулась лицом к мировым трендам. Более современным стал не только облик зданий, появлявшихся в ключевых точках города, но и вид новых спальных районов — благодаря проведенной в 2015 году масштабной реформе панельного домостроения. Большинство застройщиков были вынуждены помещать свои экономические запросы в оболочку, лучше соответствующую облику динамичного глобального города. Обычным делом стало проведение архитектурных конкурсов для значимых городских площадок. Процедуры согласования проектов стали значительно более прозрачными, чем во времена Лужкова.

Постепенно рос запрос на здания, вызывающие живой эмоциональный отклик. За этим обратились к иностранным звездам. Количество построек по зарубежным проектам в начале 2020-х — рекордное для постсоветской истории: MVRDV (RED 7), Херцог и де Мерон (ЖК «Бадаевский»), Ренцо Пиано (ГЭС-2). Внесли вклад и местные бюро: «Цимайло Ляшенко и Партнеры» (комплекс «Бродский», дом с золотой аркой в ЗИЛАРТе), PRIDE (кампус МГТУ имени Баумана), KAMEN (кластер «Ломоносов»).

Соавтор двух последних объектов Сергей Кузнецов в сентябре 2024 года провозгласил через свой Telegram-канал рождение «новейшего стиля архитектурной Москвы», который он назвал эмо-тек,

или эмоциональное техно. Определения нового стиля Кузнецов не дал, зато перечислил в качестве его типичных представителей не только упомянутые выше RED 7, «Бадаевский», комплекс МГТУ имени Баумана и «Ломоносов», но и еще две постройки, спроектированные под его творческим руководством, — Дворец гимнастики в «Лужниках» и парящий мост в парке «Зарядье».

Останется ли этот, по признанию самого Кузнецова, во многом ироничный термин в истории архитектуры — покажет время, но за прошедшие полтора года практическое применение связанных с ним интуитивно понятных принципов стало, по словам многих архитекторов, практически обязательным. Плоские фасады и простые объемы не встречают одобрения.

ОТ ЭМОЦИЙ ДО ВЫГОРАНИЯ Впрочем, изучение таких профильных источников, как портал Архсовета Москвы, соцсети Градкомплекса Москвы, «Недвижимость инсайды», не подтверждает этой обязательности в полной мере. В сравнительно простых геометричных формах проектируются и успешно проходят согласования не только многие социальные объекты (поликлиники, школы, детские сады) и дома по программе реновации, но и значительная доля жилых и офисных зданий высокого класса.

Постройки, возводимые в наиболее заметных местах, к которым, надо полагать, и предъявляются критерии повышенной «эмоциональности», блещут оригинальностью далеко не всегда. Совместное исследование АРХ Москвы и школы МАРШ (2025) выявило полтора десятка типовых приемов. Среди наиболее характерных — «сверло», когда высотный объем закручивается по спирали, а также «корона» — выразительное скульптурное завершение здания. Есть и более специфические московские приемы: планировочный «3+1» — три высотки, дополненные одним малоэтажным блоком, — и «М» — когда в декоре или силуэте здания проступает эта литера (она же силуэт кремлевского зубца).

Если говорить о самых недавних изменениях или трендах развития московской архитектуры, то они и после отставки Кузнецова укладываются в русло эмо-тека. Итоговые решения по этому поводу с недавних пор принимает комиссия под председательством мэра, который, судя по получающим в последнее время одобрение проектам, горячо поддерживает архитектуру впечатлений. Впрочем, наблюдается ускоренный переход эмо-тека к его, скажем так, пламенеющей фазе, когда речь идет не просто об эмоциональной архитектуре, но об архитектуре с изрядной долей экзальтации.

Жители столицы не всегда принимают такие образы с энтузиазмом. Так, по-

Михаил Бейлин,
архитектор,
партнер бюро
CITIZENSTUDIO

Одно из главных достоинств нашей архитектуры сегодня именно в том, что это архитектура в чистоте, архитектура про архитектуру. Этика, экология и другие аспекты мировой архитектурной повестки, вытесняющие архитектуру как таковую, отступают перед вопросами выразительности и красоты. «Коробки с сетками» больше не проходят. Не надо уговаривать заказчиков потратить деньги на выразительный, пластичный фасад.

Мне нравится далеко не все, что построено в последние годы, но сила современной российской архитектуры — в разнообразии. Это «разнотравье» и космополитизм есть суть «московского стиля»: впитывать всё вокруг и, через себя это пропуская, перерождаться.

ЖК «Бадаевский»,
Кутузовский пр-т.
Архитекторы: Herzog &
de Meuron, Vogt Landscape
Architects (оба — Швейцария),
АРЕХ. Завершение строитель-
ства — 2026–2027 гг.

ЖК «Хайд»,
1-й Сетуньский пр-д.
Архитекторы: ADM, 2020 г.

Департамент градостроительной политики Москвы

В конце прошлого года произошли изменения в части присоединения Комитета по архитектуре и градостроительству (Москомархитектура) к Департаменту градостроительной политики. Москомархитектура отвечала за предельные параметры и градостроительное развитие, а департамент — за координацию реализации, включая программы реновации и комплексного развития территорий. Такие перемены «спрямили путь» для инвесторов и упростили внутреннее управление, а архитекторы стали работать в более интегрированной системе, где проекты оценивают целиком, что ускоряет согласования и строительство. Финальные решения принимает архитектурная комиссия под председательством мэра Москвы Сергея Собянина.

бедившая на конкурсе в начале февраля 2025 года концепция нового здания Большого Московского цирка на проспекте Вернадского, подразумевающая снос модернистского шатра 1971 года по проекту Якова Белопольского, вызвала у публики едва ли не шок. Итогом шумной общественной кампании стал перенос похожего на яркую новогоднюю игрушку здания с видного места на Воробьевых горах в Мнёвниковскую пойму.

Еще одна попытка удовлетворить стремление столичного руководства к ярким впечатлениям — новое здание спорткомплекса «Олимпийский», почти достроенное на месте снесенной арены 1980 го-

Архитектурная концепция кластера «Ломоносов-2», проект-победитель конкурса. Архитекторы: MARKS GROUP, 2026 г.

торов, так и городских властей Москвы к Китаю как образцу для подражания неслучаен и очевиден. Стремительное улучшение городской среды, редевелопмент промзон, развитие общественного транспорта — по всем этим координатам вектор Москвы совпадает с векторами Шанхая, Шэньчжэня и Гуанчжоу.

Именно развитие городского транспорта Москвы (прежде всего метро) позволило Сергею Собянину не только исправить «градостроительную ошибку», как он называл «Москва-Сити», но и санкционировать появление в Москве новых небоскребов.

Высотное строительство при Собянине возобновилось к концу 2010-х и сперва ограничивалось отдельными участками вдоль МЦК и окрестностями «Сити». Неудач в формировании выразительного силуэта города — одной из важных составляющих архитектуры впечатлений — избежать не удалось. Подобным образом власти города неоднократно характеризовали комплекс Capital Towers на Краснопресненской набережной, спроектированный Сергеем Скуратовым, абрис кото-

рого с нескольких важных видовых точек выглядит слишком тяжеловесным.

Избежать подобных ошибок в будущем должен помочь «Цифровой двойник Москвы». Фотограмметрическая модель, запущенная в 2019 году, позволяет в режиме виртуальной реальности оценивать в том числе и визуальный эффект, оказываемый проектируемыми зданиями на облик города. Осмелюсь предположить, что именно успешный опыт применения этого передового инструмента позволил руководству города решиться на важный шаг: почти повсеместную отмену ограничения на высотность застройки. В интервью «Ъ-Review» Сергей Кузнецов мотивировал это решение, зафиксированное 2 февраля 2024 года в постановлении правительства Москвы, желанием дать архитекторам «больше свободы действия в поиске композиционных решений», однако оно сразу вызвало опасения некоторых экспертов по поводу сохранности исторического облика центра города.

Небезосновательность таких опасений показал проект 2025 года, подразу-

Научно-образовательный кластер «Ломоносов», Раменский бул.
Архитекторы: Сергей Кузнецов и KAMEN, 2021 г.

да. Не исключено, что подобная безудержная бионика станет трендом. На это указывают проекты, недавно победившие в конкурсах: похожие на яйца динозавра корпуса кластера «Ломоносов-2» от MARKS GROUP и плавно вырастающие из стилобата башни биомедицинского кампуса на Соколе от MUZA FORM.

К НЕБЕСАМ, КАК В ПОДНЕБЕСНОЙ
Формообразование последнего, вполне возможно, вдохновлено построенным в 2021 году в Шанхае комплексом West Bund International AI Tower & Plaza (архитекторы Nikken Sekkei). Наметившийся в последние годы интерес как архитек-

мевавший снос здания СЭВ на Новом Арбате и возведение вместо него трех новых небоскребов. Благодаря широкой огласке, в том числе в федеральных СМИ, СЭВ было решено сохранить. Проект, выбранный народным голосованием из трех вариантов на портале «Активный гражданин», предусматривает сохранение уже ставшего историческим здания-книжки и строительство на смежном участке на месте снесенной гостиницы «Мир» лишь одного 355-метрового небоскреба в форме свитка по проекту Сергея Кузнецова и Вадима Грекова («Моспроект-4»).

По предположениям, транслируемым порталом Архи.Ру, автор эскизных проектов упомянутых выше цирка на Воро-

бьевых горах, нового комплекса на месте «Олимпийского», а также отвергнутых народным голосованием трех башен на месте СЭВ — сингапурское бюро DP Architects. Отсутствие официальной информации об авторстве, возможно, объясняется санкционными ограничениями. Но это в конечном счете не помешало выставить сами проекты на суд общественности. Хотелось бы высказать осторожное предположение, что властям, большая часть инициатив которых по развитию города однозначно поддерживается населением, не помешало бы чуть более открыто делиться с обществом своими планами. Одним из инструментов информирования публики мог бы стать тот самый «Цифровой двойник Москвы», доступ к которому открыт пока только узкому кругу специалистов.

Тем более что застройщики, как правило, отнюдь не скрывают сотрудничества с иностранными звездами. Это относится в том числе и к проектам, начатым уже после введения санкций — таким как «Николь» на углу Никольской улицы и Богояв-

ленского переуллка. Интеграция масштабной новой постройки в один из кварталов Китай-города вызвала ожидаемую критику со стороны защитников исторической среды, но это не помешало проекту дойти до реализации. Жилой комплекс по проекту британца Томаса Хизервика после завершения строительства в 2027 году станет за компанию с «Зарядьем» одним из самых центральных примеров эмо-тека.

Парк «Зарядье» можно было бы задним числом зафиксировать как первый пример признания архитектуры впечатлений (о которой тогда еще не говорили) не только на городском, но и на федеральном уровне. Но есть пример более актуальный и осознанный — новое здание национального центра «Россия», строящееся неподалеку от «Москва-Сити» по проекту архитектурной мастерской ATRIUM. Авторы проекта неслучайно, по их собственным словам, «черпали вдохновение из глубоких образных ассоциаций» с Россией, таких как «летающий покров, бескрайние снежные просторы, традиционное кружево». Одной

Архитектурная концепция Большого Московского цирка, проект-победитель конкурса. Авторство не разглашается, 2025 г.

Дмитрий Швидковский, ректор МАРХИ, президент РААСН, председатель Совета по архитектуре и градостроительству при наццентре «Россия»

На протяжении всей истории русской архитектуры потребность в самоопределении возникала волнообразно: от неовизантизма к классицизму Екатерининской эпохи и русскому стилю. Сегодня такая потребность возникла снова: жителям городов важно ощущать «свое» в окружающей среде. Те, кому было интересно, уже побывали в Европе — былой дефицит впечатлений от западной архитектуры исчерпан.

Пробуждается интерес к своему наследию, своим городам. Кострома, Плещ, Ярославль, Новгород формируют новый визуальный и пространственный опыт. Мы заново открываем нашу архитектуру, и это сильно влияет на наше восприятие.

ЖК «Бродский»,
1-й пер. Тружеников.
Архитекторы:
«Цимайло Ляшенко
и Партнеры», 2021 г.

из основных целей институции, созданной по распоряжению президента России, является «укрепление национальной идентичности».

ОТ РУССКОГО СТИЛЯ К РОССИЙСКОМУ КОДУ Чтобы что-то укрепить, надо сперва это выявить и зафиксировать.

Одним из первых примеров вновь возрастающего после долгого перерыва интереса к теме национальной идентичности в архитектуре стал проводившийся в 2014 году конкурс «Русский характер» на проект культурного центра в одном из спальных районов ближнего Подмосковья. Масштаб практической задачи

был скромным, но в идейном плане требовалось предложить современное прочтение русского стиля. Возможно, именно это оправдывает живейший интерес к конкурсу как у публики, так и у профессионалов. Конкурс, анонсированный международным интернет-порталом ArchDaily, привлек внимание почти сотни архитекторов из 26 стран. Победа бюро Megabudka: с проектом «Дача во дворе» сделала этот творческий коллектив лидером в поисках «нового русского стиля» на последующие годы.

В 2016 году Megabudka: представило разработанный вместе с коллегами из бюро PANACOM и CITIZENSTUDIO «Опреде-

литель русскости дизайна». Из его параметров особенно запомнилась «колобковость» — не столько из-за смысла этого понятия, подразумевавшего «ускользание, загадочность, эскапизм», сколько из-за уютного, симпатичного ощущения, вызываемого этим словом. Два года спустя увидел свет выполненный по заказу пианиста Бориса Березовского визионерский проект «Новый русский город». Главное же достижение бюро на этом направлении — Центр гостеприимства в парке «Кудыкина гора» в Липецкой области, который авторы сравнивают то с «фрагментом улицы старого города», то с традиционным русским судном — ладьей.

Проект «Новый русский город», архитектурное бюро Megabudka:, 2018 г.
Индивидуальные жилые дома с общим двором, теплицами и кострищем — местом сбора жителей

Megabudka: — практически идеальный двигатель для подобных экспериментов. Вечно балансирующие на грани постиронии и новой искренности (насколько авторы серьезны в своих визуальных образах и рассуждениях, всегда остается загадкой), их проекты нравятся всем: и скептикам, и оптимистам.

Однако сейчас за проблему всерьез взялось государство. В начале прошлого года по указанию президента создан Совет по разработке и продвижению нового российского стиля в общественном пространстве. Руководство этим новым органом поручено советнику президента РФ Елене Ямпольской (см. интервью

Елизавета Лихачева,
искусствовед,
историк
архитектуры

Архитектура, как любое искусство, не изолированный процесс. Стиль — интернациональное понятие. Чтобы возник павловский или александровский ампи́р, нужен был большой стиль, в рамках которого они сложились и который ни Павел, ни Александр не формировали. Если мы говорим о национальной архитектуре, это может быть манера, школа. И в этом нет ничего страшного. Внешние влияния только обогащают национальную традицию, а местные климатические условия и материалы формируют ее своеобразие.

Когда строили Московский кремль, это была гостевая интернациональная архитектура. Но даже сам факт, что это великокняжеская резиденция, уже делал эту архитектуру национальной.

на стр. 14). В дополнение с целью создания «архитектурно-градостроительного кода России» сформирован Экспертный совет по архитектуре и градостроительству под председательством ректора МАРХИ Дмитрия Швидковского.

Сегодня о поисках «нового русского стиля» не говорит только ленивый. Telegram-канал «Небоскребы» и ГК «Стратегия Развития» даже объявили конкурс на «архитектурную концепцию высотного здания в современном русском стиле». Итоги конкурса ожидаются в конце июля, а пока по результатам многочисленных дискуссий и круглых столов складывается впечатление, что конкретных предложений по этому вопросу в данный момент нет. Лишь опасения, что в отсутствие конкретного содержания применение «архитектурно-градостроительного кода» может привести к произвольной оценке будущих проектов — без какой-либо связи собственно с качеством архитектуры.

Соображения о необходимости опоры на контекст и локальную идентичность в многонациональной и мультикультурной стране, высказанные экспертами на первом заседании Совета по архитектуре и градостроительству в декабре 2025 года, дают тут определенную надежду. А их рассуждения о том, что российская архитектура на протяже-

нии всей своей истории успешно перерабатывала влияния и приемы, пришедшие из-за рубежа, формируя их самостоятельные интерпретации, позволяют предположить, что она и сейчас способна интерпретировать на свой лад самые актуальные тенденции современной архитектурной моды. Эмо-тек вполне может стать полноправной частью архитектурного образа современной России, передав, как выразился Швидковский, «потомкам зримую память о нашем удивительном времени».

В пользу позитивных ожиданий свидетельствует и упомянутое выше здание НЦ «Россия». Кажется, этот бионический объем достойно смотрелся бы почти в любом мегаполисе и везде для него нашлись бы подходящие локальные ассоциации. Но национальная идентичность, как говорится, в глазах смотрящего. Особенно если смотреть не на одну постройку, а на совокупность всего нового. А также на культурно-исторический фон, на котором это новое произрастает.

Усилившийся интерес российского государства к теме «культурного суверенитета и национальной идентичности» должен способствовать и более бережному отношению к архитектурному наследию, потенциал которого как важнейшего ресурса и опоры для развития раскрыт пока, увы, недостаточно.

Позиция

ЕЛЕНА ЯМПОЛЬСКАЯ: «НОВЫЙ СТИЛЬ – ВОПРОС КУЛЬТУРНОГО СУВЕРЕНИТЕТА»

СОВЕТНИК ПРЕЗИДЕНТА РФ О ТОМ,
КАК ФОРМИРУЕТСЯ НОВЫЙ РОССИЙСКИЙ СТИЛЬ

Как сделать так, чтобы человек почувствовал город своим домом? Советник президента Российской Федерации Елена Ямпольская считает, что в этом поможет общий визуальный язык, берущий свое начало в традициях. В интервью «Эксперт.Урбан» она объясняет, почему диалог с художниками, дизайнерами и исследователями эффективнее директив, рассказывает, как формируется новый российский стиль и какие проекты уже меняют среду и создают чувство принадлежности.

«Эксперт.Урбан»: В экспертных кругах уже давно предпринимались попытки нащупать новый стиль или визуальный язык, отражающий национальное и региональное своеобразие архитектуры и городской среды. Почему сейчас это стало вопросом государственной политики?

Елена Ямпольская: За последние годы тема стала частью более широкого общественного запроса, связанного с вопросами гражданской идентичности, сохранения традиционных ценностей и культурного суверенитета страны. В этой связи неудивительно, что соответствующие задачи отражены на уровне государственной политики. Укрепление общероссийской гражданской идентичности и сохранение традиционных ценностей обозначены в качестве приоритетов в указах президента, и формирование национально ориентированной среды становится одной из практических форм их реализации.

Эта тема касается практически каждого. Вопросы гражданской идентичности, традиционных ценностей, культурного суверенитета во многом определяются той средой, в которой человек живет. Речь идет о самых повседневных вещах: о том, по каким улицам он ходит, какие здания видит, на каких скамейках сидит, в каких пространствах играет его ребенок. Это школы, скверы, стадионы, остановки общественного транспорта — все то, с чем человек сталкивается ежедневно.

Работа в этом направлении ведется на разных уровнях. В частности, был запущен конкурс «Родная игрушка» совместно с Российским обществом «Знание» и «Движением Первых». Его цель — создать игры и игрушки с нашими, отечественными героями, отражающие российские духовно-нравственные ценности. Первый сезон показал, что такие инициативы способны стимулировать отрасль, а второй по поручению президента будет ориентирован на продукцию для системы дошкольного образования с последующим оснащением ей детских садов.

Отдельным направлением работы стало регулирование языковой среды. Принятый после длительной проработки закон, направленный на ограничение избыточного использования латиницы в публичном пространстве, уже показывает практические результаты. Обратите внимание, как сейчас поменялись вывески коммерческих объектов и названия новых жилых комплексов. Этот аспект также рассматривается как часть более широкой задачи по формированию культурно целостной и внутренне согласованной среды.

Аналогичные процессы наблюдаются и в сфере дизайна городской среды. За последние годы сформировался значительный массив проектов, основанных на переосмыслении образов традиционной российской художественной культуры, использовании кириллицы, элементов народных художественных промыслов. Здесь ключевым принципом становится творческое, современное прочтение традиции. Проблема, однако, заключалась в том, что значительная часть таких разработок, выполненных и опытными специалистами, и молодыми дизайнерами, оставалась невостребованной из-за отсутствия механизмов их продвижения и внедрения. Фактически речь шла о разрыве между производством идей и возможностью их реализации. Мы с первым заместителем руководителя администрации президента С.В. Кириенко предложили сформировать для подобных проектов единый банк решений — своего рода базу нового российского стиля. Президент эту инициативу поддержал. Так, по указанию главы государства был создан Совет по разработке и продвижению нового российского стиля в общественном пространстве, функционирующий при национальном центре «Россия».

— «У себя дома мы, естественно, размещаем образы, связанные со своей историей. Так же и в общественной среде: она должна быть нашим общим домом» —

Э. У.: Вы возглавляете Совет по разработке и продвижению нового российского стиля в общественном пространстве. Расскажите, как организована его работа?

Е. Я.: В целом Совет задуман как открытая система, с одной стороны опирающаяся на профессиональный отбор и экспертизу, с другой — чувствительная к инициативам и предложениям, возникающим в самой среде. Наша работа выстроена вокруг трех принципов: профессиональная основа, максимальная открытость и доведение лучших проектов до практической реализации. Мы создаем механизм, который позволяет лучшим идеям выходить в жизнь.

Формирование нового российского стиля невозможно осуществлять административно. Это требует одновременно профессиональной экспертизы и широкого общественного диалога. В работу вовлечены дизайнеры, архитекторы, художники, исследователи, представители ведущих творческих и промышленных вузов, специалисты из разных регионов страны.

Координационную роль в этом процессе выполняет национальный центр «Россия» как институт развития и площадка, где собираются и синхронизируются разные подходы. При этом принцип открытости реализован буквально: 24 марта на сайте центра была запущена страница Совета, через которую любой специалист может подать заявку, представить проект и подключиться к работе. Это расширяет круг участников и создает постоянный канал обратной связи с профессиональным сообществом. Организационно деятельность Совета структурирована по пяти направлениям: средовой дизайн и архитектура, промышленный дизайн, коммуникационный дизайн, социально значимый дизайн и визионерское, концептуальное направление, связанное с долгосрочными трендами. Такая структура позволяет одновременно работать и с конкретными решениями: от городской среды до предметного дизайна, и с формированием более широкой визуальной стратегии.

Сформулированы и приоритетные задачи. В их числе: создание национальной цветовой палитры и национального семейства шрифтов, предназначенных для использования в общественном пространстве и официальных документах; разработка подходов к оформлению общественных территорий — парков, скверов, детских площадок; работа с пространствами гражданской идентичности — прежде всего прилетными зонами аэропортов, вокзалами.

Э. У.: Какие проекты сейчас в работе Совета и что конкретно предполагается сделать?

Е. Я.: В первую очередь это серия детских площадок нового поколения, основанных на стилистике народных художественных промыслов. Первый такой проект — площадка по мотивам дымковской игрушки — предварительно планируется разместить в одном из жилых районов города Екатеринбурга. Художественный язык промысла, его образность интегрируются в структуру общественного пространства: образы птиц и животных, аутентичный орнамент и цвета становятся основой для игровых модулей, малых архитектурных форм, скамеек, песочниц. При разработке площадки нас консультировали ведущие мастера профильного предприятия, что позволило избежать стилизационных искажений и опереться на исторические об-

разы. Мне кажется, что получилась необыкновенно праздничная и полезная история для всей семьи. Ребенок будет играть, впитывая эти визуальные коды, формирующие у него картину окружающего мира, родной страны, а родители, например, смогут больше узнать о самом промысле, если перейдут по QR-коду, размещенному на площадке. Теперь перед нами стоит еще более сложная задача — сделать площадку по мотивам деревянной богородской игрушки. Попробуем сделать так, чтобы было стильно, обаятельно и чтобы ребенку было удобно и комфортно.

Параллельно реализуются и другие проекты. Один из них — разработка концепции оформления обложек единых государственных учебников по русскому языку и литературе, создаваемых по поручению президента, с поэтапным введением с 1 сентября 2027 года. Уже подготовлены решения для старших классов и системы среднего профессионального образования. Концепция строится на сочетании аутентичных орнаментов и образов ключевых архитектурных памятников: от Архангельского собора Московского Кремля до здания МГУ и региональных объектов. Другое уникальное направление — создание национальной формы для школьников и студентов, представляющих Россию на международных интеллектуальных олимпиадах. Уникальность состоит в том, что единая форма для таких команд создается впервые. Мы поставили задачу сделать ее не только красивой и удобной, подчеркивающей принадлежность команды к стране, но и отражающей образ России как сильного государства с богатым культурным наследием.

Если продолжить говорить именно о городской среде, то сейчас мы работаем над серией арт-объектов на основе кириллицы, которые будут размещены в общественных пространствах. Проекты направлены на визуализацию русского языка как ключевого элемента культурной идентичности и уже проходят этап отбора и формирования каталога для дальнейшего внедрения.

При этом задача не в том, чтобы исключать или отвергать иное. Скорее в том, чтобы в публичном пространстве опираться на собственные культурные основы. В этом смысле уместна простая метафора: у себя дома мы, естественно, размещаем образы, связанные со своей историей и памятью. Так же и здесь: в общественной среде должны быть представлены те образы и традиции, которые составляют нашу культурную основу. В итоге это сводится к стремлению сформировать целостную городскую среду, в которой человек чувствует себя уверенно, узнает ее как свое и воспринимает как общий дом.

Мнение

ЭТОТ СМУТНЫЙ ОБЪЕКТ ПОЧИТАНИЯ

Проект национального центра «Россия» на Краснопресненской набережной архитектурно безупречен: абстрактная цифровая форма под символикой покровы не оскорбляет взгляд и не лезет в небо. Триколор на криволинейной поверхности — решение политически выдержанное, но невольно заставляющее вспомнить и «Зарядье», и нереализованный православный центр в Париже с его «прозрачным покровом».

Анатолий Белов,
публицист,
соучредитель журнала
«Проект Россия»

О проектах, подобных национальному центру «Россия» на Краснопресненской набережной, говорят либо хорошо, либо ничего.

Во-первых, глава государства уже все согласовал, притом под камеры: Владимир Владимирович приехал на площадку 26 марта, посмотрел макет, заслушал доклады гендиректора «России» Наталии Виртуозовой и мэра Москвы Сергея Собянина и, как сообщают официальные источники, «дал старт строительству». Во-вторых, архитектурное бюро ATRIUM создало нечто столь неуловимо абстрактное, что здесь и придаться не к чему: глаз не раздражает, город не уродует, ничего провокационного не транслирует — крепкая такая цифровая архитектура.

Представляю, как нелегко было пиарщикам «России» сочинить под это дело

концептуальную базу, которую воспринял бы президент, которая была бы ему понятна и близка. Но из положения они вышли, надо признать, элегантно: «Россия всегда укрывала любовью и защитой людей разных национальностей и религий. Наши архитекторы вдохновились покровом — он олицетворяет тепло, комфорт, заботу и уверенность в настоящем и будущем», — приводят соцсети наццентра цитату Виртуозовой. В голове сразу проносятся образы, связанные с православием (храмы Покрова на Нерли и Покрова на Рву, праздник Покрова Пресвятой Богородицы), русской зимой (снежный покров, метель), народными промыслами (оренбургский пуховой платок, вологодское кружево), мысли о патернализме и мультикультурности.

На белую криволинейную поверхность, перекрывающую здание, — «покров» — авторы проекта к тому же наложили наш бело-сине-красный триколор. Сложно гнущаяся кровля исполосована грядками из цветных лампочек, которые в нужный момент загораются и начинают в буквальном смысле излучать патриотизм. Любой критик десять раз подумает, прежде чем давать оценку такому проекту. Российский флаг не может быть некрасивым, неконтекстуальным, примитивным и т. д. Просто потому что не может.

Поэтому нет — я не буду критиковать проект бюро ATRIUM. Да и внутреннего позыва к этому как-то не чувствую. У меня, наверное, и правда нет претензий к форме наццентра. Она мне даже симпатична. Своей горизонтальностью, например. Знаете, нынче любое здание, которое не стремится продырявить небо, воспринимается сугубо позитивно.

Замечу лишь, что эстетика «покрова» на берегу Москвы-реки напоминает ту, в которой выдержан парк чуть ниже по течению — я, конечно, про «Зарядье». Спроектированный американским архитектурным бюро Diller Scofidio + Renfro, он стал олицетворением политики превращения Москвы в глобальный город и связанных с ней попыток по выстраиванию взаимоотношений взаимоважного, равноправного диалога с Западом.

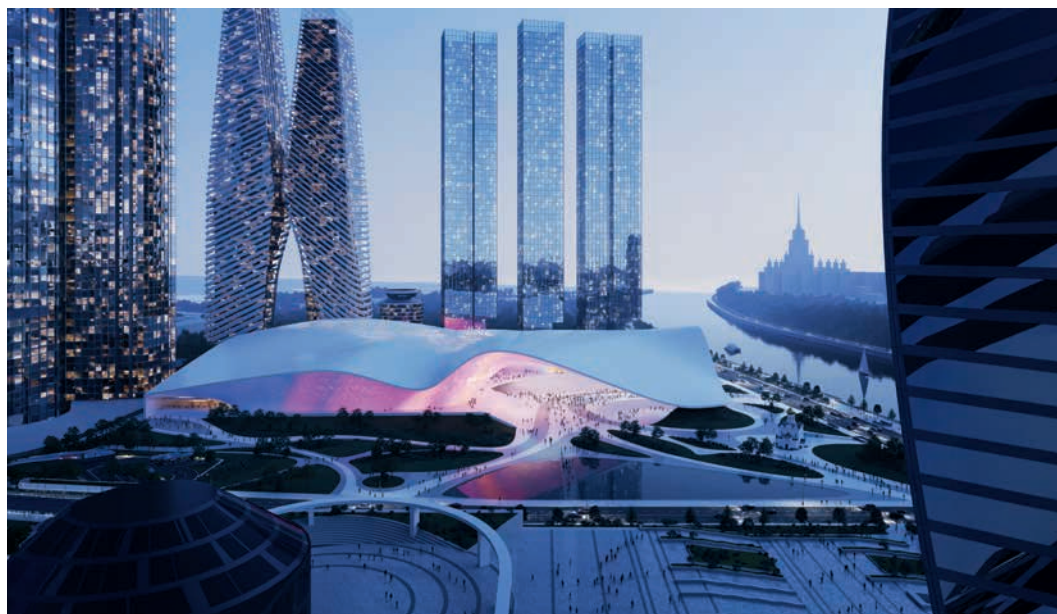
Есть и другой проект-аналог. Возможно, он тут будет даже более к месту, — победитель конкурса на православный центр в Париже Arch Group и Мануэля Нуньес-Яновского 2011 года. Там позолоченные луковки храма как бы проди-

раются сквозь стеклянно-металлическую паутинку (в пояснительной записке авторы называют ее «прозрачный покров»), которая накрывает территорию центра. Проект, правда, в итоге воплощен не был.

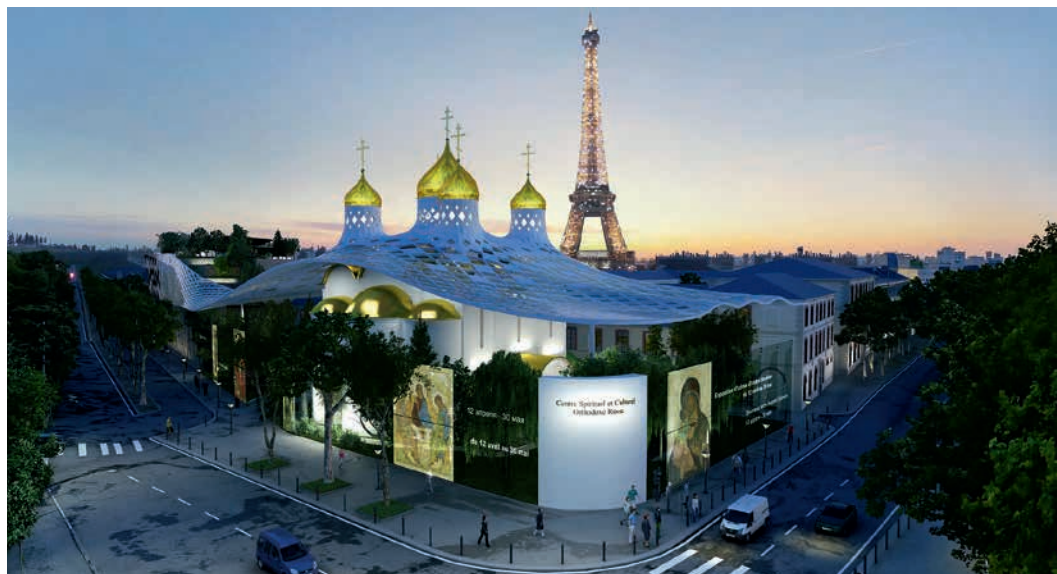
Мы живем в удивительное время, когда все меняется и при этом ничего до конца не ясно. Проект наццентра бюро ATRIUM в этом смысле, если отбросить его формальное сходство с «Зарядьем» и нереализованным парижским проектом, очень точно отражает нашу переходную эпоху,

исполненную тревог и неопределенности, когда хочется просто залезть под большое теплое одеяло и переждать, как все устаканится. Для меня он не про будущее, а именно про настоящее. А будущее нас когда-нибудь да настигнет. И мы, надеюсь, будем к нему готовы.

Национальный центр «Россия», Краснопресненская наб.
Архитекторы: архитектурная мастерская ATRIUM.
Завершение строительства — 2029 г.

Православный центр в Париже.
Архитекторы: Arch Group и Мануэль Нуньес-Яновский,
2011 г.

ПОМОГУТ ЛИ ТЕХНОЛОГИИ СТАТЬ ГОРОДУ ЧЕЛОВЕЧНЕЕ

Каким будет город будущего и почему сегодня важными ресурсами для его развития становятся не только инфраструктура и инвестиции, но и данные? Платформа «Урбан Хаб» поделилась с «Эксперт.Урбан» видением того, как демографические изменения, цифровизация и развитие аналитики меняют подход к городскому планированию.

БУДУЩЕЕ УРБАНИСТИКИ: ЧЕЛОВЕК ИЛИ АЛГОРИТМ

Новые цифровые инструменты, в том числе нейросети и цифровые двойники, становятся частью градостроительного арсенала. Они позволяют моделировать город «в цифре», способны прогнозировать трафик или энергоэффективность домов. Роли специалистов меняются: в задачи инженеров и архитекторов все чаще входят подготовка и проверка алгоритмов и данных, интеграция обратной связи от граждан и этический надзор. Важным направлением становится вовлечение горожан в процесс планирования при помощи цифровых технологий и совместное управление, чтобы умный город создавался с учетом реальных запросов людей, которые в нем живут.

ДАННЫЕ НА СЛУЖБЕ У СТАРЕЮЩЕГО ГОРОДА

Демографический переход уже стал реальностью и сегодня напрямую влияет на принципы управления городами. Аналитика пешеходных потоков, данные об использовании транспорта и общественных пространств, медицинская статистика и социологические опросы позволяют точнее выявлять проблемные зоны: от низкой доступности аптек и поликлиник до неудобных маршрутов, отсутствия лифтов и барьерной городской среды. Это дает возможность развивать нужную инфраструктуру именно там, где она действительно востребована. В таком подходе анализ данных становится способом услышать тех, кто обычно остается вне стандартного представления о среднестатистическом городском жителе.

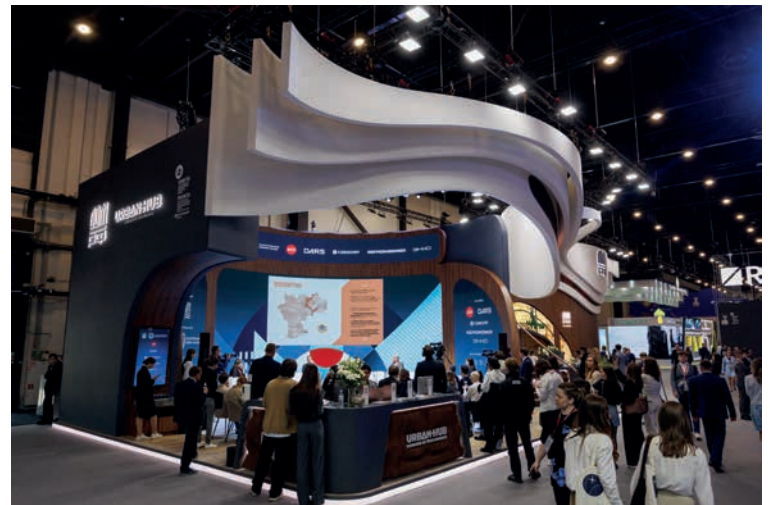
AGE-FRIENDLY CITY КАК НОВАЯ НОРМА

Концепцию «города, удобного для пожилых», впервые предложила ВОЗ еще в 2005 году. Идея в том, что активное долголетие вскоре займет заметную часть жизни человека и город, комфортный для пожилых, будет удобен для всех. Сегодня концепция операционализируется через конкретные показатели, которые охватывают инфраструктуру, услуги, мобильность и участие пожилых в жизни города, а также дают планировщикам инструменты, позволяющие устанавливать цели, контролировать прогресс и перенимать лучшие практики из других регионов.

ЭКОНОМИКА ДОЛГОЛЕТИЯ: НОВЫЕ РЫНКИ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ

Стареющее население — новый потребительский сегмент с растущими запросами. Сервисы для активного долголетия, адаптированное жилье, медицинская инфраструктура шаговой доступности, форматы досуга и занятости для людей старшего возраста формируют рынки, которые пока недооценены. Города и девелоперы, которые начнут работать с этим запросом раньше других, получат конкурентное преимущество по мере того, как демографический сдвиг будет углубляться.

ЦИФРОВОЙ РАЗРЫВ: СТАРШЕЕ ПОКОЛЕНИЕ В УМНОМ ГОРОДЕ

Парадокс цифрового города в том, что он рискует стать удобным для всех, кроме тех, кому удобство нужно больше всего. Старшее поколение является наименее цифровизированной группой горожан и поэтому чаще всего оказывается за бортом: им становятся недоступны сервисы, которые давно переехали в приложения и терминалы. Инклюзивный умный город должен создаваться с учетом того, что жители обладают разным уровнем цифровой грамотности и поэтому важно создавать разные точки входа, адаптировать сервисы и проводить обучение.

БАЛАНС ЭФФЕКТИВНОСТИ И ПРИВАТНОСТИ

Чем точнее город собирает данные о своих жителях, тем острее встает вопрос того, кому эти данные принадлежат и как они используются. Эффективное управление городом требует детальной аналитики, при этом доверие жителей к городским институтам строится в том числе на ощущении, что их данные не используются против них. Найти баланс между полезностью и прозрачностью данных — одна из ключевых задач для городов, всерьез занявшихся цифровизацией.

КТО ВЛАДЕЕТ «ГОРОДОМ ДАННЫХ»

Государство, частные платформы и сами горожане претендуют на разные роли в цифровой системе, и от того, как выстроен баланс между ними, зависит, в чьих интересах в итоге работает городская аналитика. В идеале городская экосистема подразумевает, что государство, бизнес и граждане совместно формируют «ценностный слой» данных, который был бы публично доступен и соблюдал конфиденциальность отдельных лиц. На практике задача сводится к расширению прозрачности при привлечении частных партнеров и к гражданскому участию в контроле данных.

ТРАНСПОРТ БУДУЩЕГО: ПЕРСОНАЛИЗИРОВАННАЯ МОБИЛЬНОСТЬ

Современный город постепенно переходит от универсальных транспортных решений к персонализированной мобильности, учитывающей потребности разных возрастных групп. Для пожилых людей это означает безбарьерный транспорт, гибкие маршруты и сервисы «последней мили», для семей — безопасные пешеходные связи и удобную интеграцию с социальной инфраструктурой, а для молодежи — цифровые платформы, объединяющие общественный транспорт, каршеринг и микромобильность. Развитие больших данных и искусственного интеллекта позволяет транспортным системам адаптироваться к поведению жителей в режиме реального времени.

ГЧП КАК ИНСТРУМЕНТ ИНКЛЮЗИВНОЙ ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ

Государственно-частное партнерство становится одним из ключевых механизмов развития инклюзивной и цифровой городской инфраструктуры. Частные инвестиции позволяют ускорять внедрение интеллектуальных транспортных систем, цифровых сервисов, платформ умного города и безбарьерной среды, тогда как государство обеспечивает нормативную базу и социальную направленность проектов. Такая модель помогает городам быстрее модернизировать инфраструктуру, повышать доступность услуг и внедрять технологические решения, ориентированные на качество жизни разных групп населения.

ГЕОДААННЫЕ ДЛЯ РЕГИОНОВ И МАЛЫХ ГОРОДОВ

Большие данные и геоинформационные системы до сих пор воспринимаются преимущественно как инструмент крупных городов. Между тем именно регионы и малые города, где ресурсов для планирования меньше, могут выиграть от аналитики больше. Доступность данных и снижение стоимости их обработки постепенно открывают эти инструменты для территорий, которые раньше планировались при постоянном дефиците ресурсов, в том числе информационных.

Город будущего — это не только умные технологии, но и умение слышать каждого жителя. Данные помогают видеть реальные потребности людей и создавать среду, в которой комфортно жить всем.

Герой

Текст: Александра Артамонова. Фото: Никита Сурков

СЕРГЕЙ КУЗНЕЦОВ: «ИДЕНТИЧНОСТЬ РОЖДАЕТСЯ ИЗ НЕПОХОЖЕСТИ»

КАК АРХИТЕКТУРА ПРЕВРАЩАЕТСЯ В ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ И КАК ГОРОДА ИЗМЕНЯТ ТЕХНОЛОГИИ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

Современная архитектура сегодня конкурирует не с другими зданиями и памятниками архитектуры, а с цифровой средой, захватившей внимание человека. Как в этих условиях меняется роль архитектора, почему эмоция становится ключевой технологией проектирования, способен ли искусственный интеллект заменить авторскую волю и какой будет Москва будущего, в интервью Алексею Муратову и Григорию Ревзину рассказал Сергей Кузнецов — экс-главный архитектор Москвы, а теперь архитектор будущего ВЭБ.РФ и управляющий партнер КБ Стрелка.

«Эксперт.Урбан»: Если считать сегодняшний день отправной точкой для прогнозов, то как бы вы описали текущее состояние архитектуры в России и мире? Какие болевые точки вы видите, а что, наоборот, считаете драйверами развития?

Сергей Кузнецов: Чтобы ответить на этот вопрос, я сначала обозначу систему координат, в которой вижу развитие архитектуры. Есть довольно клишированное представление, как выглядят дома, как их воспринимает обыватель. Но архитектура гораздо более сложное явление: это устройство нашей среды обитания. При этом человек не единственный, кто меняет среду под себя, ведь что-то строят и бобры, и муравьи, и пчелы. Но только у человека есть особенность, которая позволяет не сводить архитектуру к утилитарности и делает ее тем, чем она является.

Занимаясь архитектурой почти всю жизнь, я пришел к выводу, что ее генезис неразрывно связан с религией. Особенно ярко эти мысли оформились у меня в Кижях. Когда осознаешь,

как в начале XVIII века люди на краю света, без современного оборудования создали такое, то понимаешь: без ощущения чего-то высшего это не объяснить. У меня слезы наворачиваются, потому что я не понимаю, как это сделано.

Возможно, в этом и суть: в архитектуре должно быть что-то необъяснимое. Иначе это просто конструкция, а не произведение искусства.

Люди — единственные религиозные существа среди всех видов, именно религиозность позволяет нам взаимодействовать большими группами, в отличие от стай животных или роев насекомых. Эта идея напрямую связана с развитием искусства, и в частности архитектуры. Храм — это синтез всего: здесь нашлось место и текстам, и книгопечатанию, и изобразительному искусству, и музыке. На мой взгляд, за тысячелетия суть явления не изменилась. Человек в архитектуре ищет восхищение и удивление — тот самый момент «божественного», когда он смотрит и думает: «Здесь есть что-то особенное». Это отличает архитектуру от утилитарной постройки. Никакой сарай не оценивался бы сараем сегодня, если бы мы не прошли путь от дольменов и кромехов до египетских пирамид, греческого периптера и Пантеона.

Возвращаясь к сегодняшнему дню и разговору о трендах будущего, хочу рассказать, в каком направлении я работал на посту главного архитектора. Еще во время работы над парком «Зарядье» мы сформулировали важную мысль: главный конкурент за внимание к архитектурному проекту сегодня не другая ар-

хитектура, не телевидение и не люди рядом, а мобильный телефон, то есть устройство, которое предоставляет нам клиповый контент и серьезно влияет на эмоциональный фон и менталитет человека. Как вытащить человека из этого потока коротких впечатлений?

Я предложил концепцию эмо-тека — эмоционального техно. Мы привыкли к хайтеку и лоутеку, но сейчас к инженерным решениям («умному дому», мобильной кинематической архитектуре) должен добавиться ключевой элемент — быстрый и ясный эмоциональный отклик. Архитектура должна восприниматься как событие, мимо которого невозможно пройти без оглядки. В этом, на мой взгляд, и заключается ответ на актуальный социальный запрос.

Э. У.:

Этот авангардистский прием остранения, погружения зрителя в необычную или непривычную ему ситуацию. А какие еще есть инструменты? Какие, на ваш взгляд, триггеры делают архитектуру эмоциональной?

С. К.:

Таких триггеров несколько. Первый — интерактивность. Современному зрителю недостаточно просто созерцать архитектуру, как это было в эпоху Ренессанса или классицизма, ему нужен опыт участия. Взять, к примеру, парящий мост в «Зарядье»: важно не просто им восхититься издали, а подняться на не-

Сергей Кузнецов,
Новый корпус
Бауманского
университета, 2024 г.
Бумага,
акварель 55x77 см

Сергей Кузнецов,
Церковь Покрова
Богородицы,
Кизи, 2024 г.
Бумага,
акварель 70x50 см

го, походить по нему ногами, прочувствовать взаимодействие с пространством. Другой яркий пример из моей практики — площадь нового корпуса МГТУ имени Баумана с натяжным козырьком из архитектурной мембраны. Это решение сравнивали с берлинским Сони Центром, но решение родилось из моего опыта проектирования стадионов, в том числе «Лужников» и спортивной арены в Краснодаре: легкая вантовая конструкция, привычная для спортивных сооружений, оказалась удачной для общественного пространства. В отличие от Берлина, где площадь полностью закрыта и напоминает интерьер с собственным микроклиматом, здесь все открыто. А большой красный дуб, который растет в центре площади, лишней раз подчеркивает эту открытость.

Второй триггер — это мультипликация образа, возможность поделиться впечатлением. Архитектура должна давать для этого материал: запоминающиеся ракурсы, необычные виды, что-то, что является квинтэссенцией этого проекта, в нем должно появиться. В моем проекте «Русское идеальное», созданном для фестиваля «АрхСтояние» в Никола-Ленивце, кажется, все фотографировали, как эта конструкция — труба — уходит в небо и парит в воздухе. С одной стороны, это простая, узнаваемая вещь, с другой — у нее нет ни одного привычного архитектурного атрибута, но в ней есть что-то такое, что поражает. В этом и суть триггер-точки.

В дискуссиях коллеги иногда говорят: «Если это легко понимает каждый, то это попса». Но я не согласен. Попса может быть впечатляющим искусством. Шартрский собор для его современников был таким же вирусным объектом, как для нас современный арт-объект. Архитектура должна поражать воображение и трогать душу. И для этого ей необязательно быть объектом каких-то огромных размеров. Ошеломительная сила того же Кижского погоста в его гармонии с ландшафтом северных полупустынных островов. Любому студенту знаком этот образ по учебникам, но когда ты видишь его вживую — с воды или с берега — это выбивает из колеи.

Э. У.: Вы ранее критиковали традиционные инструменты планирования, включая генплан, и выступали за внедрение мастер-плана как подхода, нацеленного на создание ярких локальных акцентов. Как в вашей концепции соотносятся художественная составляющая и функциональная основа города?

С. К.: Международный опыт показывает, что генпланы зачастую не реализуются. Большинство городов отказались от них в пользу гибких инструментов управления средой — я называю это проектным развитием. Например, Большая кольцевая линия метро, МЦК и даже МКАД не были предусмотрены генпланами — такие масштабные изменения часто происходят вне их рамок. Сегодня мы знаем, как важно делать озеленение и проектировать гармоничные и безопасные общественные пространства. Но более интересный вопрос сейчас — это современные инструменты планирования.

Э. У.: А как вы видите роль ИИ в создании архитектуры будущего? Способен ли он заменить архитектора и в каких компонентах?

С. К.: А может ли карандаш заменить художника, фотоаппарат — фотографа, рояль — музыканта? Конечно, нет. Мы имеем дело с очередным инструментом для работы, с новым и неизбежным технологическим шагом. Вспомним, что я в самом начале говорил о генезисе архитектуры. Да, мы можем использовать искусственный интеллект, но публике всегда будет важно, кто за этим зданием — художник, личность, какая-то авторская воля. И в этом вся суть архитектуры как искусства.

Мы можем говорить сколько угодно, что картинка архитектуры, рожденная искусственным интеллектом, может быть неотличимой от картинки, сделанной человеком, но это не будет архитектурой. Когда-нибудь в какой-нибудь антиутопии один ИИ будет сам ставить задачи другому ИИ, а роботы все построят без участия человека. И, возможно, это даже будут называть архитектурой. Но в том смысле, который мне дорог, — архитектура как проявление творческого или божественного начала, как диалог человека с пространством и временем, как часть культурного наследия — этого не случится.

ИИ может здорово помочь архитектору: предложить варианты планировки, проанализировать огромные массивы данных и так далее. Например, сейчас у Москвы есть «Цифровой двойник», на котором тестируют все проектировочные модели. В будущем он должен стать мощным аналитическим инструментом, благодаря которому мы сможем выстроить модель принятия градостроительных решений, не зависящую от субъективной позиции чиновника или девелопера. Взяв на себя ключевые аналитические функции, автоматизированная система не предложит единственно верного решения, но проведет комплексный анализ вероятностей, оценит сценарии по множеству параметров и даст инструменты для принятия решений.

Э. У.: Для многих стало неожиданностью, что вы в роли «архитектора будущего» вошли в руководство государственной корпорации развития. Это нетипично для таких структур, где обычно работают банкиры, юристы и экономисты. В чем будет заключаться ваша роль и какие задачи вы ставите перед собой на ближайшие годы?

___ **«Человек в архитектуре ищет восхищение и удивление — тот самый момент “божественного”, когда он смотрит и думает: “Здесь есть что-то особенное”»** ___

С. К.: Давайте наберемся терпения: спустя время картинка станет яснее. Могу сказать, что у нас серьезные амбиции повлиять на качество городской среды и среды обитания человека в масштабах всей страны. Все, что касается этого, — и общественная, и образовательная, и проектная, и бизнес-деятельность — будет направлено не просто на физическое улучшение пространства, но и на важный ментальный сдвиг в людях, на формирование другого отношения к тому месту, в котором они живут.

За годы работы, уклоняясь от острых дискуссий и споров, мне удалось вселить в огромное количество людей мысль, что фразы «город для людей» или «лучший город Земли» — это не рекламные слоганы. Люди приезжают домой из-за границы, и у них нет больше ощущения, что они возвращаются из метрополии в провинцию. И мы хотим, чтобы это ощущение транслировали люди всей страны, а не только те, которые живут в столице. Лично меня эта идея сильно вдохновляет. Да, я люблю проектировать, мне нравится быть художником, но еще более захватывающие ощущения вызывает то чувство, когда ты понимаешь, что можешь влиять на умы и совершать культурные сдвиги.

Э. У.: Продолжим говорить о Москве. Вы могли бы назвать читателям несколько проектов или локаций, за которыми интересно наблюдать сейчас и из которых вытекает то будущее, которое настигнет нас лет через 10–15?

С. К.: Заложена серьезная основа нескольких больших проектов. Надеюсь, они станут той самой Москвой будущего, которую мы хотим видеть. Какие они?

Во-первых, это узел «ЗИЛ–Южный порт» — большой конгломерат территорий и серьезная точка роста. Идея конверсии промышленных зон в среду нового качества уже отчасти воплощена на ЗИЛе и дальше будет развиваться только интереснее.

Во-вторых, территория бывшего завода «МиГ», концепция реорганизации которого продумывалась одновременно с планированием городской среды. Тут будет реализована концепция 15-минутного города, благодаря которой у жителей буквально в шаговой доступности будет вся необходимая инфраструктура.

В-третьих, район Кузьминки. Я вырос в этом месте, и раньше тут была самая плотная концентрация пятиэтажек в Москве. Тот проект реновации, который реализуется здесь сейчас, довольно амбициозный: мы с коллегами из Института Генплана придумываем сложную, насыщенную разными пространствами городскую ткань. Если получится реализовать задуманное, то Кузьминки станут отличным примером того, как из типовой застройки рождается новый и живой город. Не могу не упомянуть и Дербеневскую набережную — территорию между Дубининской улицей и Павелецким вокзалом. Там будет создана очень качественная городская среда. Стоит обратить внимание на развитие Пресни: у района большой потенциал стать одной из самых комфортных и стильных частей города.

Другой важный аспект будущего Москвы и предмет моей гордости — это молодые архитектурные бюро, которых стало в разы больше за время моей работы. Российские архитекторы все чаще становятся лауреатами международных премий и конкурсов, проявляют себя на фестивалях, выставках и площадках

внутри страны. И я верю, что мы придем к той ситуации, когда российские архитекторы станут явлением мирового масштаба. Это будет настоящим внедрением нашей культуры — и, на мой взгляд, одним из признаков того самого будущего, к которому мы идем. Уверен, что собственные архитектурные школы и рынки — это вопрос национальной гордости и патриотизма.

Э. У.: Верите ли вы в большой национальный стиль, поиски которого сейчас активно ведутся на государственном уровне?

С. К.: Я верю в национальный стиль как в яркие и уникальные проекты, которые люди будут однозначно ассоциировать с Россией или Москвой. Например, если бы Татлин воплотил свой Монумент III Интернационалу, то эта башня стала бы мощным символом национальной идентичности. То же самое касается и горизонтальных небоскребов Лисицкого. Люди болезненно реагируют на новое: оно кажется им чужеродным, оно колет, оно вызывает споры. Но именно это напряжение и создает живую городскую среду.

Проблема начинается тогда, когда поиск идентичности сводится к формальному подбору элементов и механическому тиражированию деталей. Возьмем Эйфелеву башню, безусловный символ Парижа и Франции. Она узнаваема во всем мире, ее изображение встречается повсюду, но разве она построена на основе какого-то традиционного французского орнамента или повторяет черты собора Парижской Богоматери? Нет. Ее сила как раз в том, что это нечто принципиально новое и запоминающееся.

Моя позиция проста: настоящая идентичность рождается из непохожести. Когда человек видит объект и говорит: «Господи, что это? Я такого никогда не видел!» — он запоминает его навсегда и связывает с конкретным местом. Он понимает: «Это стоит здесь, и я узнаю это место, потому что больше нигде такого нет». Мой друг уругвайский художник Альваро Кастаньеда однажды сказал фразу, которую я запомнил на всю жизнь: «Любой предмет искусства должен иметь свое собственное уродство». Если все идеально и безупречно, то возникает вопрос: передо мной сейчас искусство или просто качественный ремесленный продукт?

Рейтинг

ЛУЧШИЙ АРХИТЕКТОР МОСКВЫ XXI ВЕКА

ПРОЕКТ «ЭКСПЕРТ.УРБАН» И КБ СТРЕЛКА

Кто лучший архитектор Москвы этого столетия? «Эксперт.Урбан» и КБ Стрелка провели масштабное голосование среди управленцев, девелоперов, журналистов и градостроителей. Почему сейчас? Четверть века — срок подвести итоги. В столице прошла реформа градостроительного комплекса. И пора «собирать камни». К тому же ровно десять лет назад КБ Стрелка уже проводила похожий опрос для Московского урбанистического форума. Настало время обновить результаты.

Партнер рейтинга

Среда городской
девелопер

СПИСОК ГОЛОСОВАВШИХ

КАТЕГОРИЯ 1. БИЗНЕС И УПРАВЛЕНИЕ

Сергей Болдырев, основатель, акционер и председатель совета директоров BSM Group
Сергей Гордеев, акционер ПИК
Татьяна Гук, директор по градостроительной деятельности ГК «А101»
Денис Китаев, основатель и акционер Vesper
Андрей Молчанов, основатель и акционер «Группы ЛСР»
Илья Пискулин, основатель Форума недвижимости «Движение»
Никита Сташин, заместитель министра строительства и ЖКХ РФ
Мария Синичич, директор Департамента комплексного развития территории Минстроя России
Александр Тарабрин, заместитель председателя ВЭБ.РФ
Антон Финогенов, директор по развитию городской среды ДОМ.РФ
Михаил Хвесько, генеральный директор, председатель правления Capital Group

Топ-5 по результатам голосования в категории

Архитектор	Упоминаний	Очков
1. Юрий Григорян («Меганом»)	7	22
2. Сергей Чобан	6	21
3. Александр Цимайло, Николай Ляшенко	6	20
4. Сергей Скуратов	6	17
5. Иван Греков (KAMEN)	3	11

КАТЕГОРИЯ 2. КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ

Айрат Багаутдинов, руководитель проекта «Глазами инженера»
 Дарья Белякова, основатель бюро Arch(e)type и клуба A-House
 Михаил Блинкин, научный руководитель факультета городского и регионального развития НИУ ВШЭ
 Илья Мукосей, креативный директор выставки-фестиваля АРХ Москва
 Григорий Ревзин, историк архитектуры, архитектурный критик, куратор, партнер КБ Стрелка
 Полина Стрельцова, старший куратор Центра «Зотов»
 Никита Токарев, директор Архитектурной школы МАРШ
 Анна Трапкова, директор Музея Москвы
 Василий Церетели, директор Московского музея современного искусства, президент Российской академии художеств
 Наталья Шашкова, директор Музея архитектуры им. А. В. Щусева
 Дмитрий Швидковский, ректор МАРХИ, президент Российской академии архитектуры и строительных наук (РААСН)

КАТЕГОРИЯ 3. МЕДИА И КОММУНИКАЦИЯ

Анатолий Белов, публицист, куратор, соучредитель журнала «Проект Россия»
 Павел Гнилорыбов, основатель проекта «Архитектурные излишества»
 Эдуард Кубенский, директор и главный редактор издательства Tatlin
 Анна Мартовицкая, архитектурный обозреватель, соиздатель и главный редактор журналов todigest и prodigest
 Алексей Муратов, главный редактор «Эксперт.Урбан», партнер КБ Стрелка
 «Недвижимость инсайды», канал в Telegram и МАХ
 Юлия Тарабарина, главный редактор интернет-портала Архи.Ру
 Мария Ульянова, продюсер проектов архитектуры и искусства
 Юлия Шишалова, главный редактор журнала «Проект Россия» и интернет-портала «Среда для жизни»
 Алексей Шукин, специальный корреспондент журнала «Монокль»
 Мария Элькина, журналист, архитектурный критик, автор канала в Telegram «Город, говори»

КАТЕГОРИЯ 4. ПЛАНИРОВАНИЕ И КОНСАЛТИНГ

Сергей Георгиевский, соучредитель, председатель экспертного совета Агентства стратегического развития «Центр»
 Олег Григорьев, директор Института пространственного планирования Республики Татарстан
 Андрей Иванов, урбанист, автор книги «Архитектура без архитекторов. Вернакулярные районы городов мира»
 Кристина Ишханова, генеральный директор КБ Стрелка
 Петр Кудрявцев, основатель и генеральный директор «СМ Интернешнл»
 Иван Курячий, управляющий партнер «Новой Земли»
 Алексей Новиков, президент Habidatum
 Всеволод Окин, партнер и сооснователь horovod.space
 Дина Саттарова, директор Единого института пространственного планирования РФ
 Андрей Фомичев, креативный директор платформы МАТЕРИЯ
 Александра Чечеткина, основатель и партнер BQ Studio

Топ-5 по результатам голосования в категории

Архитектор	Упоминаний	Очков
1. Юрий Григорян («Меганом»)	8	35
2–3. Сергей Скуратов	8	25
2–3. Сергей Чобан	9	25
4. Александр Цимайло, Николай Ляшенко	5	15
5. Сергей Кузнецов	5	14

Топ-5 по результатам голосования в категории

Архитектор	Упоминаний	Очков
1. Сергей Скуратов	7	30
2. Юрий Григорян («Меганом»)	5	19
3. Сергей Чобан	6	17
4–5. Владимир Плоткин («ТПО Резерв»)	4	13
4–5. Александр Цимайло, Николай Ляшенко	7	13

Топ-5 по результатам голосования в категории

Архитектор	Упоминаний	Очков
1. Сергей Скуратов	9	36
2. Юрий Григорян («Меганом»)	7	31
3–4. Александр Цимайло, Николай Ляшенко	5	12
3–4. Сергей Чобан	3	12
5–7. Рем Колхас	2	7
5–7. Сергей Кузнецов	3	7
5–7. Ренцо Пиано	2	7

МЕТОДОЛОГИЯ РЕЙТИНГА Экспертам предлагалось назвать пять архитекторов, внесших наибольший позитивный вклад в архитектуру Москвы за 25 лет — с 2000 до 2025 года. Предпочтение отдавалось не фирмам, а личностям — лидерам архитектурных бюро. Исключения допускались в случае команд, у которых либо много равноценных ли-

деров, либо лидерство не выражено, по мнению экспертов. Таковых в итоге оказалось два: АРЕХ и КБ Стрелка, которая была поощрена за реализацию программы «Моя улица» (2015–2017).

За первое место присваивалось пять баллов, за второе — четыре и далее по нисходящей.

СЕРГЕЙ СКУРАТОВ — ЛУЧШИЙ АРХИТЕКТОР МОСКВЫ XXI ВЕКА. ЮРИЙ ГРИГОРЯН — ВТОРОЙ, СЕРГЕЙ ЧОБАН — ТРЕТИЙ

№ п/п	Упоминаний	1-е	2-е	3-е	4-е	5-е	Очки
1. Сергей Скуратов	31	9	8	8	4	2	111
2. Юрий Григорян («Меганом»)	28	10	10	4	3	1	109
3. Сергей Чобан	25	3	10	5	2	5	79
4. Александр Цимайло, Николай Ляшенко	24	4	3	3	6	8	61
5. Сергей Кузнецов	14	4	1	4	3	4	46
6. Владимир Плоткин («ТПО Резерв»)	8	2	2	1	1	2	25
7–8. Юлий Борисов (UNK)	8	1	1	1	4	—	20
7–8. Александр Бродский	5	3	—	1	1	—	20
9. Иван Греков (КАМЕН)	5	—	3	1	1	—	17
10. Олег Шапиро, Дмитрий Ликин (WOWHAUS)	5	1	1	1	2	—	16
11. Андрей Романов, Екатерина Кузнецова (АДМ)	6	1	—	1	3	1	15
12. Антон Надточий, Вера Бутко (ATRIUM)	5	—	—	3	—	2	11
13. Ренцо Пиано	3	1	—	1	1	—	10
14. Тимур Башкаев	4	—	1	—	2	1	9
15–17. АРЕХ	3	—	—	1	2	—	7
15–17. КБ Стрелка	3	—	—	1	2	—	7
15–17. Рем Колхас (ОМА)	2	—	1	1	—	—	7
18–20. Асадовы	3	—	—	1	1	1	6
18–20. Александр Скокан («Остоженка»)	2	1	—	—	—	1	6
18–20. Жак Херцог, Пьер де Мерон	2	1	—	—	—	1	6
21–25. Рубен Аракелян (WALL)	3	—	—	1	—	2	5
21–25. Валерий Коняшин («Остоженка»)	1	1	—	—	—	—	5
21–25. Сергей Киселев	1	1	—	—	—	—	5
21–25. Михаил М. Посохин	1	—	—	—	—	—	5
21–25. Михаил Филиппов	2	—	1	—	—	1	5
26–30. Евгений Асс	2	—	—	—	2	—	4
26–30. Михаил Лабазов, Андрей Савин, Андрей Чельцов («А-Б студия»)	1	—	1	—	—	—	4
26–30. Наринэ Тютчева («Рождественка»)	2	—	—	1	—	1	4
26–30. Илья Уткин	1	—	1	—	—	—	4
26–30. Николай Шумаков	2	—	—	—	2	—	4
31–35. Ольга Алексакова, Юлия Бурдова (bugomoscow)	1	—	—	1	—	—	3
31–35. Борис Левянт (ABD)	1	—	—	1	—	—	3

№ п/п		Упоминаний	1-е	2-е	3-е	4-е	5-е	Очки
31–35.	Джон Макаслан	1	—	—	1	—	—	3
31–35.	Леонид Слонимский, Артем Китаев (KOSMOS)	1	—	—	1	—	—	3
31–35.	Юлия Ардабьевская, Артем Стаборовский, Алина Квирквелия (Saga)	2	—	—	—	1	1	3
36–38.	Михаил Белов	1	—	—	—	1	—	2
36–38.	Лиз Диллер, Рикардо Скофидио, Чарльз Ренфро	2	—	—	—	—	2	2
36–38.	Ната Татунашвили, Наталья Масталерж (Nowadays)	2	—	—	—	—	2	2
39–44.	Михаил Бейлин, Даниил Никишин (CITIZENSTUDIO)	1	—	—	—	—	1	1
39–44.	Григориос Гавалидис (GAFA)	1	—	—	—	—	1	1
39–44.	Амир Идиатуллин (IND)	1	—	—	—	—	1	1
39–44.	Александр Лагутов (SMINEX)	1	—	—	—	—	1	1
39–44.	Даши Намдаков, Ильдар Гиниятов, Чингис Намдаков (PARSEC)	1	—	—	—	—	1	1
39–44.	Михаил Хазанов	1	—	—	—	—	1	1

Алексей Муратов,
главный редактор
«Эксперт.Урбан»,
партнер КБ Стрелка

Можно сказать, что рейтинг не преподнес сюрпризов. А можно — что главный сюрприз как раз в стабильности.

По сравнению с опросом Стрелки 2016 года лидеры московской архитектуры существенно не поменялись. Тогда пятерка выглядела так: 1. Григорян, 2. Скуратов, 3. Плоткин, 4. Шапиро с Ликиным, 5. Чобан.

Из этой устойчивости напрашивается несколько выводов.

1. В Москве надо работать долго. На длинной дистанции побеждают те, кто начал раньше и протянул дольше. Лидеры рейтинга работали в столице почти все 25 лет, а Скуратов с Григоряном (первое и второе места) прославились еще в 1990-х.

2. В Москве надо строить много. Одно-го-двух даже мегазнаковых зданий недостаточно. Этим объясняются скромные баллы иностранцев — авторов ярких, но единичных построек: Ренцо Пиано (ГЭС-2) или бюро Диллер Скофидио + Ренфро («Зарядье»).

3. В Москве надо строить в центре. Архитекторы, прославившиеся проектами на периферии, уступили коллегам, застраивающим территории внутри Третьего, а лучше — Садового кольца.

4. Без прессы нет звезд. Лидеры заработали репутацию в эпоху, когда архитектура освещалась несравнимо активнее: выходили профильные журналы и глянец, печаталась критика в газетах и на сайтах, работали архсоветы, проводились персональные выставки и лекции. Сейчас этого почти нет. Имя сделать сложнее.

Сергея Скуратова и Юрия Григоряна разделили всего два очка. Но даже эта дистанция значима. Скуратов, в отличие от Григоряна, занимается исключительно архитектурой и исключительно в Москве. Он не преподает в МАРХИ, не устраивает выставок, не организует исследований, не проектирует в других городах и странах. Его лидерство продиктовано исключительно работами в столице. И в этом смысле речь идет о чистой победе.

Рейтинг

Беседовали Алексей Муратов и Анатолий Белов

СЕРГЕЙ СКУРАТОВ: «ГЛАВНОЕ В АРХИТЕКТУРЕ — ФИГУРА ТВОРЦА»

Пожалуй, нет в России другого такого архитектора, как Сергей Скуратов, кто был бы одинаково уважаем коллегами по цеху и широкой публикой, имел бы статус и культового автора, и живого классика. Его победа в публичном противостоянии с Юрием Лужковым, который настаивал на сокращении этажности башни на Мосфильмовской, в 2010 году стала поворотной точкой в истории отечественной архитектуры и ознаменовала собой окончание ее постсоветского этапа. В своем интервью Алексею Муратову и Анатолию Белову лучший архитектор Москвы XXI века по версии «Эксперт.Урбан» делится своими размышлениями о пройденном пути.

«Эксперт.Урбан»: Знаменитый градостроитель Илья Лежава, перефразируя Гёте, говорил, что архитектура — это застывшая экономика. Что для вас архитектура прежде всего?

Сергей Скуратов: Не все решают деньги. Ситуация в культуре, политический климат, наличие честной конкуренции, свободной критики тоже важные факторы. Для меня архитектура не просто род занятий, но буквально часть меня. Это предмет моего постоянного интереса.

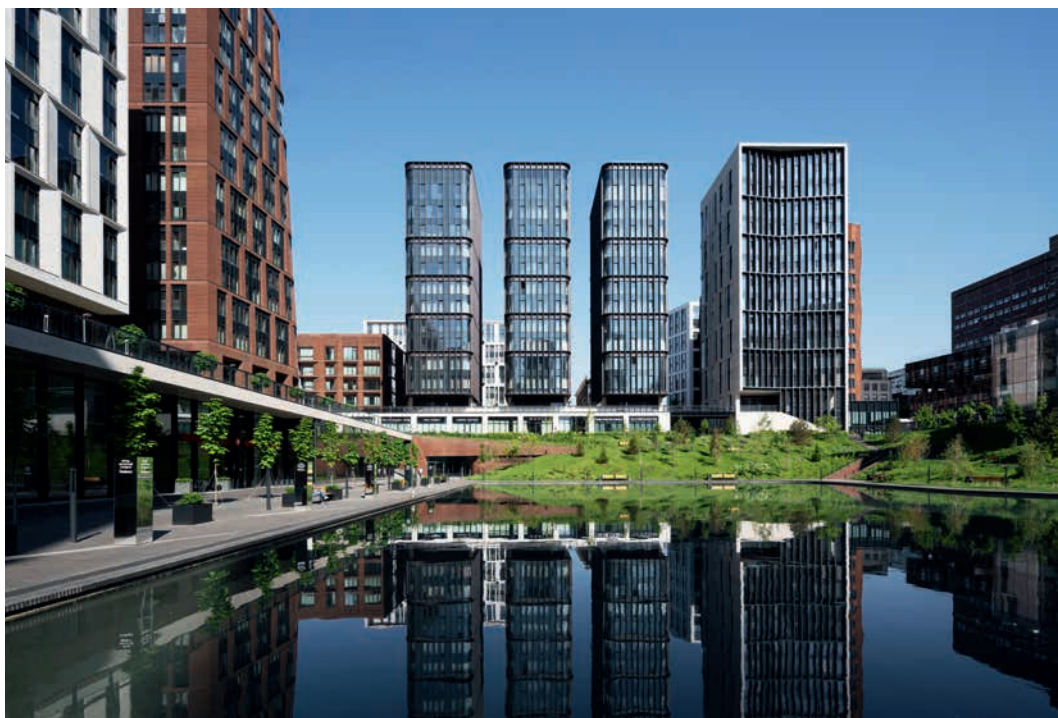
Э. У.: Кого вы считаете своим учителем?

С. С.: Это Александр Ларин. Мы с ним вместе проработали более девяти лет. Настоящий архитектор, бескомпромиссный. Прекрасный рисовальщик, тонкий философ, мастер пространства и большой фантазер.

Э. У.: Важна ли преемственность в архитектуре? Стараетесь ли вы передать кому-то свое мастерство?

С. С.: Старюсь. Через совместную работу.

Э. У.: Сколько примерно человек за 25 лет прошло через ваше бюро?

Жилой комплекс «Садовые Кварталы»,
Москва, ул. Усачева. Архитекторы: Сергей Скуратов,
Александр Панёв и др., 2018 г.

С. С.: Около сотни.

Э. У.: Любая постройка — продукт компромисса. Сколько в ваших постройках непосредственно Сергея Скуратова, сколько — бюро, сколько — заказчика, госорганов?

С. С.: Последних я бы вовсе не учитывал, потому что это, в общем, такая погрешность. Вначале, наверное, 100% меня было. Года до 2010-го. Были такие жилые комплексы, как Barkli Plaza, «АртХаус», «Эгодом» — здесь очень много от Никиты Демидова. Можно вспомнить и небоскреб на Мосфильмовской, на архитектуру которого заметно повлиял Иван Ильин. Это же касается и Capital Towers, кстати. Но моего все равно всегда больше 51%.

Э. У.: А как же роль заказчика?

С. С.: Они формируют техническое задание, но редко задают настрой. Их интересует в основном функционал. Что касается образной части, то они мне здесь полностью доверяют. Вмешательство в форму, в пространство, конечно, происходит, но разве что в последние годы, и это даже не заказчик вмешивается, а власть.

Э. У.: Назовите одну постройку, которую можно считать квинтэссенцией скуратовского метода, стиля?

Если бы не появление чужеродной абсолютно школы в «Садовых кварталах», то я бы первым делом назвал этот объект. Это целый градостроительный роман. Там есть все. Идея, композиция — и все авторское. Любимые мной материалы — кирпич, стекло. Участие уважаемых мной партнеров-архитекторов.

Рельеф, организованное внутриквартальное пространство. Еще мне очень близки «АртХаус», «Эгодом».

Э. У.: У вас есть сформулированное творческое кредо?

С. С.: Оно в естественности и независимости творческих проявлений, в органическом взаимодействии с местом и со временем.

Э. У.: Органическом?

С. С.: Дом надо «выращивать» из контекста. Важно каждый раз находить баланс между формой, материалом и композицией. Слышать место, осознать его готовность принять что-то новое — искусство. Иногда место подсказывает, что любое новое строительство будет лишним. И такое бывает.

Э. У.: За какой проект вы бы точно не взялись? Или истинный профессионал берется за всё?

С. С.: Обычно отказываюсь от проектов частного жилья, чтобы не принимать на себя роль семейного доктора. Это не всегда интересно и не всегда возможно. Были попытки, и это часто тяжело, потому что самая распространенная ситуация — когда есть скрытый конфликт между супругами.

Э. У.: Есть постройки, которые вы относите к числу своих творческих неудач?

С. С.: У меня только один такой объект. Причина неудачи в том, что его реализация происходила без моего

___ «Для меня архитектура не просто род занятий, но буквально часть меня. Это предмет моего постоянного интереса» ___

участия. Это «Резиденция композиторов» на Павелецкой набережной.

Мой проект предусматривал сохранение фабрики Шлихтермана, ее реконструкцию. Но та в конечном итоге была снесена и воссоздана из новых материалов, достаточно грубо. Я там не делал «рабочку», не вел авторский надзор. В целом получилось похоже на меня, конечно. Что называется — по мотивам.

Э. У.: А как же Софийская набережная, где вам, по сути, навязали другое фасадное решение?

С. С.: Это другое. Правила игры были известны заранее. Сказали: нужны фасады в историзме. Было бы очень обидно выиграть международный конкурс и не реализовать такой проект. Я позвал на фасады Илью Уткина, замечательного «бумажного архитектора», мастера неоклассики. Мне показалось, что его опыт, вкус и стиль можно соединить с моим видением, и интуиция меня не подвела. Все планировочные, композиционные, пространственные решения остались мои. Толь-

Жилой комплекс
EgoDom, Москва,
ул. Новоалексеевская.
Архитекторы:
Сергей Скуратов,
Никита Демидов и др.,
2017 г.

ко фасады поменялись. Считаю, мы сработали очень слаженно и профессионально.

Э. У.: Москва растет вверх. Вы приветствуете этот тренд?

С. С.: Я не противник высотного строительства, но и не его апологет. То, как это сейчас в Москве происходит, мне не очень нравится. Все столичные новостройки — будто одной-цовой близнецы. Они жутко похожи друг на друга. Город пытается всюду «втыкать» Бильбао, но на выходе получается Дубай. Мне кажется, стоит быть скромнее и не гнаться за вау-эффектом сломя голову. Но главное даже не это. На город перестали смотреть как на единый организм. Происходит просто механическое заполнение свободных участков. Продаются шматы земли, рисуются некие скульптурные формы, на мой взгляд, сомнительного вкуса, и все.

Э. У.: К чему, по-вашему, все идет?

С. С.: Считаю происходящее следствием какой-то неизвестной болезни типа лихорадки. Скоро пройдет.

Э. У.: Что из построенного в Москве за последние 25 лет имеет шансы дожить до XXII века? Лично вы свои здания проектировали на века?

С. С.: Никогда не задумывался о сроке жизни своих построек. Всякое может случиться. Мы сейчас наблюдаем, как сносят ценнейшие здания, которым немногим более полувека. Не знаю, кто в будущем будет принимать решение по сохранению моих домов. Уверен лишь в том, что это общество будущего будет жить по другим законам, исповедовать другие ценности, по-другому понимать красоту, гармонию.

Если какие-то из моих построек доживут до XXII века — это будет большая удача.

Э. У.: Авангардист Николай Ладовский говорил, что не камень, а пространство — материал архитектуры. А вы предпочитаете какой материал?

С. С.: Всецело согласен с Ладовским. Никакой материал, даже самый дорогой и качественный, не спасет, если не создано пространство. Воздух и свет — вот главный инструмент архитектора.

Э. У.: Какими качествами должен обладать архитектор?

С. С.: Эмоциональный интеллект, коммуникабельность. Важно также уметь держать удар. Желательно обладать навыками рисования, пространственного мышления. На читанность и насмотренность тоже имеют значение.

Жилой комплекс «Дом на Мосфильмовской»,
Москва, ул. Мосфильмовская.
Архитекторы: Сергей Скуратов, Иван Ильин и др., 2012 г.

Э. У.: Говорят, лучшим годом в истории кино был 1999-й. А в истории архитектуры какой период, по-вашему?

С. С.: Первое десятилетие XXI века.

Э. У.: И в России, и в Москве, и в мире?

С. С.: Да. Новый век принес с собой новые надежды. Кроме того, нулевые были невероятно благополучным временем.

Э. У.: Назовите пару-тройку зданий, которые, с вашей точки зрения, олицетворяют эти новые надежды нового века?

С. С.: Здания не назову, но назову архитекторов: Herzog & de Meuron, OMA, SANAA.

Э. У.: Снова заговорили о значении стиля в архитектуре, по поручению президента РФ учредили Совет по формированию нового российского стиля при национальном центре «Россия». Для вас вопросы стиля вообще актуальны?

С. С.: Убежден, что стиль не важен. Органичность, естественность, функциональность — вот, что важно. Визуальная привлекательность, пожалуй, тоже играет какую-то роль. Сегодня можно говорить об индивидуальной манере нескольких выдающихся зодчих, которая отличает их работы от всех прочих. Но на этом всё.

Э. У.: Архитектура будущего — какая она в ваших мечтах?

С. С.: Боюсь расстроить, но я не думаю об архитектуре будущего в категориях формы.

Э. У.: Ваша архитектура каким-то образом эволюционирует? Архитектор Скуратов в 2026 году чем-то отличается от архитектора Скуратова в 2000 году?

С. С.: Ровно как молодой человек отличается от пожилого. Раньше я стремился все контролировать — до мелочей, до гвоздя. Сейчас же для меня гораздо важнее целостность композиции, уместность. Я многое готов делегировать, совершенно спокойно к этому отношусь.

Э. У.: Власть в нашей стране с момента распада СССР почти не интересовалась архитектурой. С чем вы это связываете? Считаете ли вы это проблемой или, напротив, благом?

С. С.: Лично для меня это было благом. Никто никогда не вторгнулся в мою «кухню».

Э. У.: Что для вас главное в архитектуре?

С. С.: Архитектура для меня прежде всего искусство, о чем в последние годы подзабыли. Поэтому главное в ней — фигура творца.

Жилой комплекс
АртХаус, Москва,
Тессинский пер.
Архитекторы:
Сергей Скуратов,
Никита Демидов и др.,
2012 г.

— **«Я уверен, что общество будущего будет жить по другим законам, исповедовать другие ценности, по-другому понимать красоту, гармонию. Если какие-то из моих построек доживут до XXII века — это будет большая удача»** —

Кейс

ИНТЕГРИРОВАТЬ В ГОРОДСКУЮ ТКАНЬ: КАК НОВЫЕ ПРОЕКТЫ СТАНОВЯТСЯ ЧАСТЬЮ СРЕДЫ

Среди девелоперов, строящих жилье комфорт- и бизнес-классов, долго существовал негласный стандарт: проект должен создавать новую норму. Выделяться, контрастировать с окружением, опережая на десятилетия не только современную моду, но и привычные требования покупателя. Сегодня запрос другой — бережно встраивать новое в сложившийся контекст. Городской девелопер «Среда» рассказывает, как это работает на практике.

НЕ ПРОСТО КОМФОРТ, А ЗАБОТА Среди новых требований нет мелочей. Уровень шума, света, приватности и эстетики — вопрос не комфорта, а здоровья. Например, исследования говорят, что световые помехи нарушают выработку в мозгу гормона мелатонина. Сон в темноте является критически важным фактором для здоровья и долголетия. Работа девелопера начинается не с выбора выразительного образа здания, а с анализа территории: пешеходных маршрутов, общественных пространств, уровня озеленения, освещенности, шума и точек притяжения. Ни один новый проект в городе уже не замыкается внутри собственного периметра, а создает недостающие элементы городской среды.

Артем Фролов,
директор по продукту городского девелопера «Среда»

Застройщики ищут не только новые формы и приемы, но и погружаются в потребности людей, их боли и желания. Надо понимать: на сегодняшнем высококонкурентном рынке без актуализации в социальном контексте недвижимость просто не будут покупать.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОВЕСТКА — СЛЕДСТВИЕ АРХИТЕКТУРНЫХ РЕШЕНИЙ Социальная справедливость — это доступность всего функционала городских пространств каждому жителю. Город стремится уйти от «централизации благ» и сделать уровень комфорта жизни равным как в исторических локациях или престижном центре, так и в сложившихся спальных районах и на новых территориях.

Комбинированные районы, включающие жилую застройку, офисные здания, инфраструктуру для времяпрепровождения, эффективны и как экономический инструмент. Такие локации стабильны даже в кризис, так как формируют циркуляцию сообщества и поддерживают малый бизнес и локальных производителей.

Каждый новый объект меняет социальную карту района. Поэтому важно не просто построить жилье, а связать его с окружением: открыть часть инфраструктуры городу, продумать маршруты через территорию, сделать первые этажи полезными для района, а дворы и общественные пространства — понятными и доступными разным группам жителей.

РАЗМЫТЬ ГРАНИЦЫ МЕЖДУ ОБЪЕКТОМ И ОКРУЖЕНИЕМ Уход от устоявшихся паттернов не бывает простым. В качестве примера рассмотрим обновление Кунцево: здесь учитывали сразу несколько факторов.

Малоэтажное строительство не способно обеспечить нужные объемы для города, но архитекторам при перестройке района удалось сохранить восприятие низкоэтажной застройки. По контуру квартала воссозданы здания 1950-х годов, а многоэтажные башни «собраны» в двух масштабах: основания умещаются в поле зрения пешехода, а высотные доминанты вписываются в новый контур города. Таким образом, проект работает не как самостоятельный «остров», а как продолжение района: сохраняет узнаваемый масштаб улицы, поддерживает историческую память места и одновременно добавляет недостающую плотность, благоустройство и современные общественные функции.

Александра Тихомирова, лидер направления исследований для клиентов категории «Недвижимость» исследовательского агентства ORO

Покупатель стал заметно более избирательным: приобретается не просто квартира, а полноценная среда жизни. В итоге сегодня выигрывают проекты, которые даже в условиях давления на экономику продолжают работать не только с метрами, но и с контекстом.

СЦЕНАРИИ ВМЕСТО НОРМАТИВОВ Потребность взрослого человека в принадлежности к сообществу, создание связей в окружающей среде сформировало новое направление в планировании пространств: плейсмэйкинг (англ. «placemaking»).

Девелоперы и городские власти ориентируются на опыт людей и создают не дизайн мест, а комплекс возможностей. Неиспользуемые или даже потенциально опасные публичные локации переформируются, чтобы в них могла развиваться социальная жизнь.

В каждом проекте «Среды» присутствует «соседская площадь». Эти зоны не просто декоративное приложение к жилому комплексу. Они становятся частью повседневной инфраструктуры района: местом коротких встреч, локальных событий, отдыха после прогулки или маршрута между домом, школой, транспортом и магазинами.

Например, соседский бульвар в «Среде на Лобачевского». Мы все привыкли к предложению разнообразного отдыха и активностей детям и взрослым в разных ЖК, при этом подростки — категория жителей с особенными запросами — часто остаются забытыми. Меж тем им больше остальных важно самовыражаться, тестировать свои физические возможности и оттачивать навыки общения. «Среда» создает для них отдельные локации: в меру уединенные, но безопасные и хорошо просматриваемые для родителей. Площадку с зонами отдыха и зарядками для гаджетов дополняет зона паркура.

ЕДИНЫЙ ПОДХОД — РАЗНЫЕ РЕШЕНИЯ Проекты «Среды» кажутся абсолютно разными: разные локации, окружение, высотность, форма. Однако в основе каждого лежит единая логика: сначала по-

нять город и человека, проявить контекст будущего жителя и пользователя общественных пространств.

Во всех случаях внимание сосредоточено на деталях, через которые новый объект становится частью города: двор работает в течение всего дня, фасады не спорят с улицей, первые этажи поддерживают районные сценарии, а благоустройство связывает жителей с уже существующими маршрутами и привычками места. Именно в этом сегодня проявляется качество городской девелоперской среды. Не в способности выделиться, а в способности стать естественной частью жизни района.

Ирина Печкина, лидер архитектурной группы по благоустройству городско-го девелопера «Среда», соавтор курса по озеленению в школе пространственного дизайна «Софт Культура»

70% москвичей хотят общаться с соседями, но для этого не хватает инфраструктуры в жилой среде, пространств, где можно было бы собраться чуть большей группой, чем три-четыре человека. В попытке балансировать между нормативными требованиями и потребностью человека в общении и зеленой природной среде рождаются решения, которые, возможно, не совсем осознанно, но хочет увидеть житель города.

«Среда на Кутузовском». Двухъярусная площадка для отдыха и прогулок на уровне кроны деревьев. Архитекторы: SAGA. Благоустройство: SCAPE + dot.bureau

«Среда на Лобачевского». Внутренний двор-парк с мультифункциональной соседской площадью. Архитекторы: SAGA. Благоустройство: dot.bureau

Вчера

Текст: Андрей Боков, архитектор, генеральный директор «Моспроекта-4» (1998–2014), президент Союза архитекторов России (2008–2016)

ОН БЫЛ ЧАСТЬЮ МОСКВЫ И ЕЕ ПРОДУКТОМ

КАК ЮРИЙ ЛУЖКОВ ОПРЕДЕЛИЛ ОБЛИК СТОЛИЦЫ

Эпоха Юрия Лужкова задала тенденции, оказавшие серьезное влияние на все сферы современного города: от архитектуры до сохранения памятников, от градостроительного регулирования до развития транспорта, от развития медицины до социальной поддержки пенсионеров. К 90-летию первого московского мэра «Эксперт.Урбан» попросил Андрея Бокова вспомнить, как в девяностые и нулевые появились профессиональные направления и темы, актуальные до сих пор.

Нелюбовь к недавнему прошлому — наша традиция. Дети охотно и без сожаления расправляются с наследием родителей. Более взвешенные, спокойные и здравые оценки обычно дает третье поколение, поколение внуков. Надеюсь, что быстро складывающиеся мифы и устоявшиеся клише не парализуют желание и способность «внуков» разобраться в том, что действительно сделал Лужков.

Москва последних часов советской власти, которую Лужков получил, была бедным, голодным, депрессивным, деградирующим городом с криминальными повадками. К середине 1990-х столица не только выздоравливает и приходит в себя, но и начинает развиваться. Запускается ранее отсутствовавший в принципе, малоизвестный в стране механизм саморазвития, бедный город становится богатым (если в 1992 году, с учетом деноминации, доходы Москвы составляли 192 млн руб., то к 2010 году бюджет Москвы по доходам вырос до более чем 1,2 трлн руб.).

Беру смелость утверждать, что все новации, которыми так гордится Москва, рождаются именно в лужковское время. Это и развитие метро, и системы магистралей безостановочного движения, включая ТТК, модернизация инженерного хозяйства, расселение ветхого жилья и хрущевских пятиэтажек, расширение типологии жилых и общественных зданий, восстановление и строительство парков, появление новых районов, рождение «Москва-Сити», программа благоустройства, включая создание системы пешеходных пространств, и множество других больших и малых дел.

Нельзя не вспомнить, что мэр восстановил почти утраченные ранее внимание, доверие и уважение к профессии и профессионализму, к архитектору и инженеру. На многочисленных и постоянных совещаниях с самыми разными людьми он слушал, слышал и старался быть справедливым.

ПАМЯТНИКИ: СНЕСТИ НЕЛЬЗЯ ОСТАВИТЬ Лужков, да и не только он, искренне удивился бы, услышав, что он враг мо-

сковского исторического наследия и разрушитель памятников. Начнем с констатации очевидного. На протяжении 70 лет советской власти вплоть до последних ее лет разрушение памяти от следов недавних предшественников до наследия глубокой старины было нормой. Лужков не просто остановил этот процесс — он допустил и поддержал существование целого круга общественных и профессиональных организаций, ставших участниками обсуждений и его прямыми оппонентами, несогласных не только выслушивал — их взгляды явно влияли на принимавшего решения.

В процессе споров, проходивших с участием мэра, сформировались два принципиально разных подхода к наследию, две разные системы приоритетов. Охранители-общественники настаивали на приоритете и неприкосновенности следов и «камней», останков и остатков. Их идеалом была консервация руин, смысл которых раскрывался в процессе проведения экскурсий. Градостроителей и архитекторов, как и мэра, больше волнова-

ло сохранение и воспроизводство среды, городской ткани. Ценностью им казался порядок формирования городского пространства, целостность, а не случайные фрагменты. На этом основании казались допустимыми и необходимыми приспособление, адаптация и даже воссоздание памятников. Лужков и архитекторы строили и восстанавливали город — иногда более успешно, как в случае с воссозданными Иверскими воротами и храмом Казанской Божией Матери на Красной площади, иногда менее успешно, как в случае «Военторга» и гостиницы «Москва».

Воссоздание храма Христа Спасителя — самый серьезный и смелый поступок мэра, культурная акция. Смысл ее был велик и прост и сводился к созданию нового «центра силы», нового главного места, главного сооружения Москвы и страны взамен Мавзолея. Казалось, что сделать это невозможно, что этот пласт истории навсегда утерян. Лужков убедил поначалу сомневающегося Ельцина в важности этого шага, в необходимости и возможности это сделать. Второй

Александр Вигдоров, почетный строитель Москвы, архитектор объектов Московского метрополитена

Эпоху Лужкова можно разделить на несколько периодов. Первый — полное безденежье: Москва вообще не строила метро тогда, а на то редкое строительство, что было, федеральный бюджет выдавал субвенции. Сложилась даже поговорка: «С деньгами каждый дурак построит, а построй без денег». Второй период — оживление: например, продолжилось проектирование Люблинской линии, начавшееся еще в 1970-х. Третий период — активизация: началось масштабное строительство. Мы занимались такими объектами, как новый запуск станции «Воробьевы горы», проектирование и строительство «Делового центра», трех станций метро, которые были заложены и одна из которых запущена в 2005 году при Лужкове, легкое метро, которое оказалось неудачным проектом. Это было некое шарашанье: то выбирали легкое метро, то мини-метро, то монорельс, в итоге деньги уходили не туда.

Нам довелось проектировать Третье транспортное кольцо, первый тоннель в районе Кутузовского проспекта — важная большая стройка. Не зря Лужкова называли «Властелином колец». Третье транспортное стоило безумных денег и проблем. Мы видим, насколько это тяжело, и сейчас, когда проектируем развязки и пробиваем хорды.

Впервые за многие годы не стройкомплекс, а проектировщик, архитектор, творец определял, что и как строить. Увы, это была недолгая эпоха.

Комплекс «Башня на Набережной» — первый высотный объект «Москва-Сити». Архитекторы: СС1 (Турция) — Инан Вехби и Эртурк Олджай. Фото середины 2000-х гг.

Экспериментальный район Куркино на северо-западе Москвы. Архитекторы: «Северо-Запад» — Евгений Гурвич, Максим Гурвич и др., 1999–2010 гг.

Лужков — третий год на посту. 1995-й — рубежный. Запущена реконструкция МКАД, заложен храм Христа Спасителя, открыт мемориал на Поклонной горе

храм, как и его предшественник, строился за счет пожертвований, без привлечения бюджетных средств. Строился храм феноменально быстро для сооружений такой сложности, ведь храмов московские строители, которыми командовал великий и легендарный Василий Мороз, особо не строили.

Именно при Лужкове впервые предметом охраны было предложено считать исторические панорамы и сложившийся ландшафт города. Нормой становится ландшафтно-визуальный анализ последствий размещения любых новых зданий. Восстанавливается культура землепользования, представления о «парцелляции», впервые вводятся Правила землепользования и застройки, ранее отсутствовавший инструмент градостроительного регулирования.

ГЕНПЛАН: ОТ ИССЛЕДОВАНИЙ К ЦИФРОВОЙ МОДЕЛИ Лужков думал о будущем города и главным инструментом регулирования, управления считал Генплан. Своим возрождением Генплан и институт, занимавшийся Генпланом, обязаны Александру Кузьмину, главному архитектору Москвы с 1996 по 2012 год, к которому

Олег Шапиро,
сооснователь
архитектурного
бюро WOWHAUS

После шумных 1990-х к 2000 году Москва заметно изменилась: жизнь в городе стала благополучнее и активнее. Открывались новые магазины, модные рестораны, ночные клубы.

Однажды я около десяти вечера попал в пробку на Тверской и был рад тому, что на улицах наконец-то так много людей, машин и все они куда-то движутся, в городе что-то происходит. Раньше на Тверской в десять вечера не было никого, а теперь Москва стала активным мегаполисом, где кипела жизнь, как в Париже или Лондоне.

Стало развиваться свободное предпринимательство, и мы тогда думали, что город и рынок сами себя урегулируют. Отчасти так и было: возникли новые торговые сети, открывались супермаркеты. Супермаркет был тогда самым упорядоченным местом. На улице могла быть непогода, грязь и неорганизованность, огромное количество автомобилей — то есть жизнь, как она есть. А внутри супермаркета — идеальный порядок.

Бизнес в это время старался заявить о себе всеми возможными средствами — улицы наполнились яркой, горячей огнями рекламой. Поскольку многие перемещались по городу на автомобилях, у дорог появились большие баннеры, которые могли стоять через каждые 15–20 метров. Сейчас они уже стали историей.

Тогда Москва стала активно застраиваться. Была задача сделать так, чтобы она выделялась на фоне других городов. Одновременно в мировой архитектуре подходило к концу время постмодернизма — не как идеологического и философского течения, а как стилистического движения в архитектуре. Стало возможным реализовывать довольно яркую, вызывающую архитектуру. Это был этап активного поиска и экспериментов, из которых в том числе вырос облик современного города.

Строительство храма Христа Спасителя.
Архитекторы:
ГУП «Моспроект-2» —
Михаил Посохин,
Алексей Денисов
и др. Зураб
Церетели — автор
художественного
оформления.
Архивное фото 1996 г.

мэр, казалось, питал почти отеческие чувства. На протяжении десятилетий до Лужкова город был объектом прямых и однонаправленных управляющих воздействий. Лужков и Кузьмин принципиально меняют подходы: Москва становится предметом внимательного и уважительного изучения, темой предпроектных исследований.

От практики неожиданных «подарков строителям» город переходил к предсказуемому и планомерному движению. С участием Генплана было выстроено более правильное и естественное территориальное деление — на округа и районы.

Но куда более важно то, что Кузьмин и его коллеги при поддержке мэра двигались к созданию цифровой платформы, объединяющей Генплан, ПЗЗ, проект планировок и многое другое в единое непротиворечивое целое, в то, что способно корректироваться, меняться, реагиро-

Жилой дом «Патриарх» в Ермолаевском пер. Сергей Ткаченко, Олег Дубровский, Илья Вознесенский и др., 2000–2002 гг.

вать на вызовы и давать точные ответы, нуждаясь лишь в эпизодических корректировках. Движение это было задано еще в 1970–1980-х годах Алексеем Гутновым, коллеги которого составляли основу команды Генплана при Кузьмине.

ЖИЛЬЕ: ГУМАНИЗАЦИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОГО Лужков продолжил панельное жилищное строительство. Более того, он превратил сохранившийся советский стройкомплекс в инструмент преодоления кризиса городского хозяйства, в средство выхода из тупика, но ДСК-1 и ДСК-2 не стали при этом монополистами, отрасль оказалась конкурентной и начала быстро развиваться. Перезапуск стройкомплекса осуществлялся на основе контрактов, соглашений, по которым застройщик получал право от города строить и землю в обмен на квартиры

и выполнение социальных обязательств. Практика, основанная вначале на доверии, была вскоре легализована постановлением правительства Москвы и превратилась в главный механизм развития, инвестиционный контракт.

С помощью этого механизма в 1999 году была запущена программа расселения ветхого жилья — в основном первых хрущевских многоэтажек. Застройщик сносил хрущевку, строил новый дом и передавал часть квартир городу для переселения жителей.

При Лужкове город вспоминает о советской практике экспериментальных жилых образований, появляются «большие проекты» застройки Ходынского поля и района Куркино. При всем несхождении эти проекты давали почти 10 млн кв. м жилья, отличались обилием зелени и отказом от привычных решений, впервые

за многие десятилетия Куркино предложило жителям столицы коттеджи и малоэтажные дома.

Лужков сохранил от распада и разрушения не только стройкомплекс, но и проектный потенциал Москвы, муниципальные институты, «Моспроект», бывшие, по сути, главными «центрами компетенций», теми местами, где еще существовали профессионалы и специалисты, где учили и учились на практике.

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ЛУЖКОВСКИЙ СТИЛЬ

На мой взгляд, разговоры о лужковском стиле ущербны. За ними явно не просматривается осведомленность участников о событиях этого времени и понимание того, что есть стиль в архитектуре, чем отличается стиль от метода. Принципиально важные большие проекты, которые определяли лицо города, — храм Христа Спасителя, Ходынка, Третье транспортное кольцо, стадион «Локомотив», крытый конькобежный центр, Гостинный двор, «Москва-Сити» — лишены признаков какого-то стилового сходства. А архитектура переходного времени редко бывает хорошей — она обычно неустойчива и несовершенна. Огромная, скопившаяся за годы диктата строителей, годы аскезы и молчания, энергия выплеснулась наружу. Выплеск не обеспечивался ни опытом, ни особыми деньгами, ни технологиями, которых просто не было.

Вклад Юрия Михайловича в архитектуру далеко не тождественен приписываемому ему капрому — капиталистическому романтизму. По моим наблюдениям, Лужков был скорее социалистом, демократом, прагматиком, человеком с инженерным типом сознания, со склонностью к познанию, изобретательству и новациям. Мэр по-своему и своими словами объяснял, что Москва должна иметь свою собственную, уместную архитектуру, свое узнаваемое лицо.

Лужков был частью Москвы и ее продуктом. За этим стоит понимание, ощущение, переживание города. Москва на протяжении 70 лет советской власти была объектом бесконечных, как правило, насильственных преобразований и ресурсом, средством решения множества задач. Лужков помог городу сохраниться и вернуть субъектность. Он испытывал к Москве особые чувства, он видел ее по-своему, явно не разделяя пространство города и людей, которые в нем живут.

Интерьер проектируемой в 2026 году школы в Елоховском проезде в Москве. Центром здания станет атриум со стеклянной кровлей, который объединит обеденный зал, медиатеку и учительскую.
Архитекторы: WOWHAUS

Завтра

Текст: Павел Зельдович

АРХИТЕКТУРА ВЗРОСЛЕНИЯ

Школьные здания редко обсуждаются так же внимательно, как парки или новые кварталы. Но именно школа показывает, насколько серьезно город думает о будущем. В Москве этот разговор уже стал системным: речь не только о новых зданиях, но и о глубокой переделке старых. Что город меняет — внешний облик школ или сам принцип их устройства? Ответ искал «Эксперт.Урбан».

Анастасия Ракова,
заместитель мэра
Москвы по вопросам
социального
развития

Несколько лет назад в столице началась масштабная программа реконструкции учебных корпусов «Моя школа». Эта программа позволит нам в ближайшие годы привести в современный вид все школы, которые морально и физически уже устарели. Мы постарались по-новому подойти к организации пространства, чтобы новая среда способствовала продуктивной учебе, творческому развитию и полноценному отдыху, была дружелюбной и эстетичной.

Школа за последние десятилетия стала другой: выросла роль технологий, проектной работы, командных форматов, индивидуальных траекторий, инклюзии, акустического комфорта и навигации

СОВЕТСКАЯ ШКОЛА И ГОДЫ ИНЕРЦИИ Чтобы понять нынешний рывок в проектировании школ, важно помнить советское наследие. Большинство россиян учились в типовых зданиях 1950–1980-х, рассчитанных на другую педагогику и идеалы.

После распада СССР Россия унаследовала более 20 тыс. таких школ. Десятилетиями их лишь ремонтировали: меняли окна, латали фасады, красили коридоры, но сама пространственная модель почти не менялась.

При этом школа за последние десятилетия стала другой: выросла роль технологий, проектной работы, командных форматов, индивидуальных траекторий, инклюзии, акустического комфорта и навигации. Поэтому московская программа, уже затронувшая более сотни зданий и предполагающая обновление всего около 750, важна как попытка заново определить, какой должна быть современная школа.

Н-образная модель середины 1960-х, называемая в народе «самолетик». В таких типовых школах воспитывалось полстраны

Кристина Ишханова,
генеральный
директор
КБ Стрелка

Многие типовые школы были построены примерно в одно время — 50–60 лет назад, и сегодня значительная часть этого фонда одновременно приближается к износу. Наряду с новым строительством наиболее сбалансированным решением представляется реконструкция существующих школ с их адаптацией к современным требованиям. Школы — это не только здания, но и важный элемент районной структуры.

Сегодня меняется сама морфология школы. Если раньше она проектировалась как «школа-завод», ориентированная на массовость и функциональность, то модель будущего — это «школа-город», где создается разнообразная среда, позволяющая каждому ученику находить свое пространство и сценарий обучения.

Так, в школе «Летово», для которой КБ Стрелка разработала комплексную модель и провела конкурс, кампус объединяет учебный корпус, жилье, стадион и спортивные площадки, места для прогулок и отдыха. Это уже не просто здание школы, а целостная среда жизни и обучения.

С точки зрения архитектуры важным становится переосмысление типового школьного коридора. Вместо узких транзитных пространств формируются широкие рекреации, интегрированные в образовательный процесс: с местами для индивидуальной и групповой работы, неформального общения и отдыха. Также важны гибкость пространств и наличие зон для разных форматов работы: от индивидуальной до групповой. Однако такие решения требуют дополнительных площадей и, соответственно, инвестиций.

Отдельное внимание сегодня уделяется микроклимату. Инженерные системы — вентиляция, кондиционирование, обеспечение свежего воздуха — становятся критически важными, поскольку напрямую влияют на самочувствие учеников и персонала школы.

Школа «Летово», построена в 2015–2018 годах.
Архитекторы: Atelier PRO, ATRIUM

НОВЫЕ ШКОЛЫ И ЧАСТНЫЕ ПРОЕКТЫ: ПОЛЕ АРХИТЕКТУРНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА Новые здания школ — как государственных, так и частных — в последние годы задали общее направление всей школьной архитектуре Москвы.

Крупный комплекс на улице Лобачевского в Раменках с ИТ-полигоном и лабораторно-исследовательским блоком, школа на 550 мест в Метрогородке с отдельной организацией начального и старшего блоков, проект в Бабушкинском районе, решенный в теплой кофейной гамме, комплекс в Щукино с тре-

угольными эркерами и будущая школа на Большой Переяславской улице показывают: современная школа снова становится заметной архитектурной частью района, а не просто обслуживающей функцией.

Свою роль сыграли и частные проекты. К этой линии относятся и уже введенные новые здания: школа «Свиблово» в проезде Русанова, новый корпус школы №2094 на улице Трехполье и новое здание школы №338 на улице Александры Монаховой. «Хорошкола» и «Летово Джуниор» стали для Москвы важными площадками, где раньше и смелее начали отрабатывать более открытую, гибкую и визуально внятную школьную среду.

Архитектурное бюро ATRIUM, к примеру, спроектировало целый ряд показательных современных школьных зданий и образовательных комплексов, включая инновационные школы в Москве и Подмосковье.

«Школа сегодня — нечто намного большее, чем просто коробка для уроков. Это пространство взросления, общения, движения, сосредоточенности и выбора»

В новом образовательном комплексе на 550 мест в Раменках будут собственный детсад, ИТ-полигон и лабораторно-исследовательский блок

Сергей Надточий,
арт-директор бюро
ATRIUM

Школа готовит своих учеников к жизни в современном обществе и даже немного — в обществе ближайшего будущего. В этом плане позднесоветские модели школ сегодня уже не очень соответствуют нашим жизненным процессам: тому, как мы общаемся, как работаем и так далее.

Для создания новых проектов школ мы должны смотреть на то, куда, например, дети потом пойдут работать. Сейчас мы уже знаем, как выглядят офисы больших ИТ-компаний. Все видели международные офисы Google, Apple. В России, например, это офис «Яндекса», который в 2004–2015 годах проектировала архитектурная мастерская ATRIUM. Это пространства, в которых уже есть гибкие модели работы. Рабочий процесс происходит во всех частях здания — такой формат организации пространства способствует очень хорошей, активной коммуникации и обмену знаниями. Мы можем спроецировать эту модель и на здание школы.

Для того чтобы создать хорошую современную школу, мы действительно должны посмотреть на то, как живет общество вокруг. И тогда нам сразу станет значительно яснее, каким образом и в какой среде дети должны учиться.

Школа будет включать в себя медиатеку, спортзалы и атриум для дискуссий. Школа сознательно проектируется без барьеров, со входами на уровне земли

Будущая школа на Большой Переяславской улице на 1,1 тыс. учеников.
Комплекс спроектирован бюро ATRIUM

ПРОГРАММА «МОЯ ШКОЛА»: СМЕНА СТАНДАРТА Для Москвы главный вызов связан не с новыми школьными зданиями. Куда важнее огромный массив уже существующих школ, где и сегодня по-прежнему учится большая часть детей. Тех самых — советских. Именно поэтому в центре нынешних перемен оказалась программа «Моя школа».

Смысл этой новаторской программы в том, что она работает с самым трудным и самым массовым пластом школьной архитектуры — со знакомыми всем, устаревшими зданиями старого фонда.

Город стремится подтянуть старые школы по качеству среды к новым. В 2024–2025 годах обновили 55 школ, впереди — новые очереди, а в перспективе — около 750 зданий. Главная задача — превращение устаревших корпусов в пространства, где ребенку удобно учиться, общаться, переключатся, отдыхать и проводить большую часть дня. Этот подход вырос из стандарта программы «Московская школа»: сначала он применялся к полностью новым школам, а затем был адаптирован для реконструкции существующих зданий.

Речь не о едином типовом проекте, а о системе требований и базовых элементов, позволяющих собрать современную школу под конкретное здание. Пространства делают гибкими: для больших и малых групп, стандартных уроков, проектной работы, индивидуальных занятий и отдыха. Особое внимание уделяют навигации, логистике, акустике, мебели, медиатекам, спортивным залам, многофункци-

ональным зонам. С неменьшим тщанием прорабатывается и пространство вокруг школ — благоустроенное и оснащенное всеми необходимыми игровыми и спортивными площадками. Важной частью становятся инженерные системы — вентиляция, кондиционирование и свежий воздух, напрямую влияющие на самочувствие учеников и сотрудников.

Программа убедительнее всего видна на примерах. Школа №1770 после реконструкции показывает, как закрытое учебное здание может стать более легким и открытым. Школа №1501 на Тихвинской улице — другой случай: здание 1936 года возвращают к жизни, сохраняя историю и идентичность места, но полностью меняя качество среды.

Именно программа «Моя школа» меняет правила игры, потому что работает с новой массовой нормой, а не с отдельными кейсами. Москва пытается сделать современную учебную среду обязательным городским стандартом.

Школа сегодня — нечто намного большее, чем просто коробка для уроков. Это пространство взросления, общения, движения, сосредоточенности и выбора. Такие пространства точно показывают, что город готов давать ребенку ежедневно: тесный минимум или продуманную среду для роста. Поэтому перемены в этой сфере не частная тема, а один из самых обнадеживающих признаков того, что повседневная жизнь действительно может становиться лучше.

Рузанна Иванцова,
начальник
ГКУ «Дирекция
инфраструктуры
Департамента
образования и науки
города Москвы»:

Программа реконструкции «Моя школа» была запущена, чтобы полностью обновить устаревшие школьные здания, сделать их современными, технологичными и комфортными — не хуже школ-новостроек.

Старые школьные здания, построенные в прошлом веке, уже не соответствовали актуальным требованиям к образовательному процессу: устаревший облик фасадов, износившиеся коммуникации, неэффективная планировка и нефункциональные образовательные пространства.

Масштабные обновления включают планировочные и дизайнерские решения, которые позволяют привести здания к единым структурным и визуальным принципам, а внутри — превратить устаревшие здания в новые образовательные комплексы с продуманной организацией пространства, большими технологическими возможностями и оборудованием последнего поколения.

Обновление полностью ориентировано на запросы сегодняшних школьников. Современные трансформируемые пространства, лабораторно-исследовательские комплексы, ИТ-полигоны и зоны для групповой работы создают более гибкий и технологичный формат обучения. При этом уделено внимание и повседневному удобству: появились современные рекреации, питьевые фонтанчики, шумоизоляционные кабинки для индивидуальной работы, оснащенные современной акустикой, залы для проведения мероприятий и безбарьерная среда, что делает учебный процесс более комфортным для учеников и учителей.

Программа «Моя школа» рассчитана на масштабный и длительный цикл работ; более того, ежегодно планируется реконструировать десятки школьных зданий, а всего — порядка 750 школ.

___ **Программа «Моя школа» меняет правила игры, потому что работает с новой массовой нормой, а не с отдельными кейсами. Москва пытается сделать современную учебную среду обязательным городским стандартом** ___

ХОРОШЕЕ ЖИЛЬЁ ВИДНО СРАЗУ. ЛУЧШЕЕ – ОТМЕЧЕНО URBAN.

Знак качества
на рынке жилья

Реклама

Гид по проверенным
новостройкам

ООО «Урбан», ИНН 7708423180, ОГРН 1237700582217
119019, Москва, муниципальный округ Хамовники, Знаменка, 13, стр. 3

Комментарий

КРАСНЫЙ КИРПИЧ И НОВАЯ ИСКРЕННОСТЬ

КАК ПЕТЕРБУРГСКАЯ АРХИТЕКТУРА ИЩЕТ СЕБЯ В 2020-Е

2010-е в петербургской архитектуре задали две разнонаправленные траектории. Одна — массовое расползание города: Кудрово, Мурино, Бугры, бывшие поля, превратившиеся в спальные районы. Другая — мегапроекты: Пулково, «Газпром Арена», «Лахта Центр», новая сцена Мариинки. 2020-е, кажется, пробуют третий путь. Не гигантомания и не типовое жилье, а точечная работа — с наследием, с локальностью, с тем самым петербургским стилем, который всё пытаются определить и никак не могут.

Даниил Веретенников, городской планировщик, соавтор книги «Круги капрома», директор Блока «Бизнес. Партнерство. Развитие» ВЭБ.РФ

Чтобы понять содержание наступившей эпохи, надо сопоставить ее с предыдущей. 2010-е годы в петербургской архитектуре были ознаменованы двумя ключевыми процессами: массовой застройкой городской периферии и реализацией ряда мегапроектов.

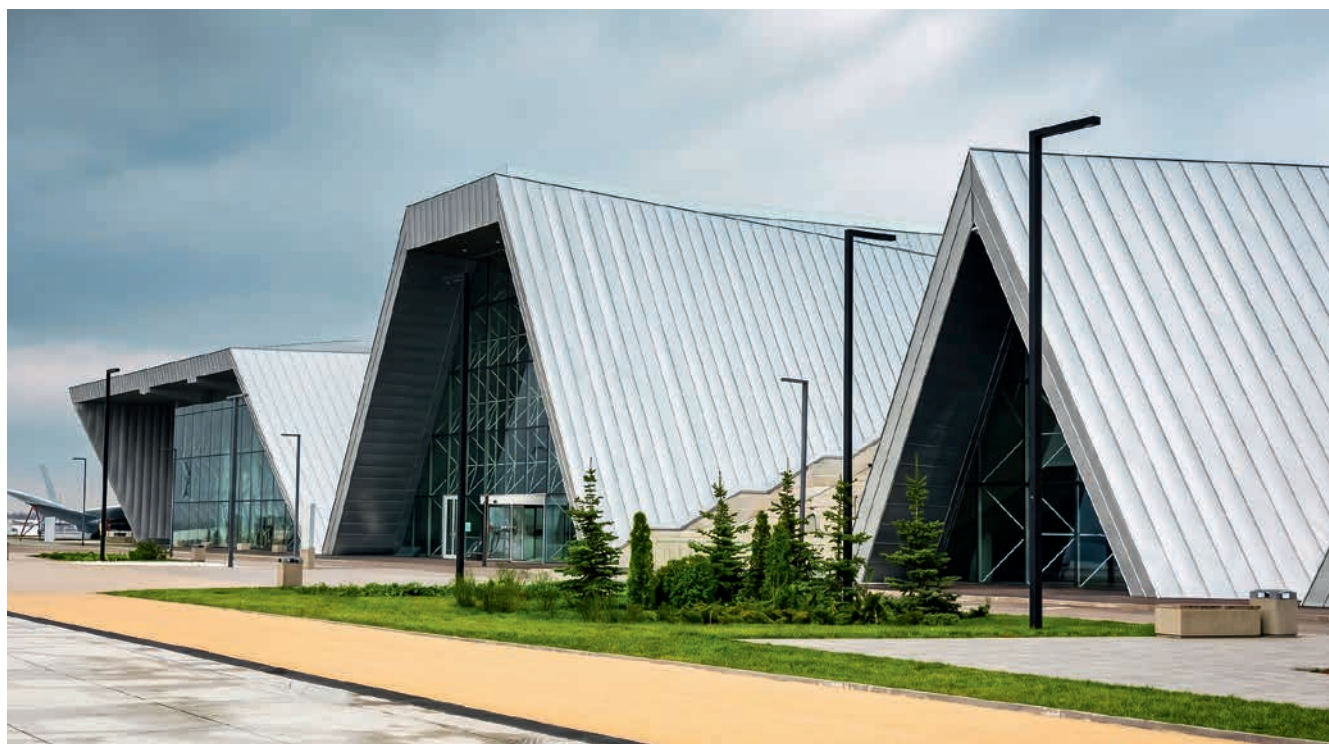
Бывшие сельхозугодья превратились в комплексы на десятки тысяч жителей и даже целые города: Кудрово, Мурино, Колтуши, Тельмана, Бугры. Второй тренд — создание крупных общественных комплексов и инфраструктурных объектов — подарил Петербургу новый терминал аэропорта Пулково, стадион «Газпром Арена», небоскреб «Лахта Центра», Западный скоростной диаметр, новую сцену Мариинского театра и другие знаковые сооружения.

Новое десятилетие показывает сохранение обоих этих процессов, но в куда более скромных масштабах. Безусловно, и расползание города продолжается, и «титульные» объекты нет-нет да и создаются. Но фокус внимания постепенно смещается от размаха и яркости, важных для молодого капитализма, к глубине и качеству проектов. В этом смысле наступившие 2020-е характеризуют не большие стройки вроде «СКА Арены» и Судебного квартала — в обоих случаях архитектурные решения выглядят устаревшими по меньшей мере на поколение, а точечные проекты, актуализирующие тематику идентичности и локальности.

Поиск особого художественного пути Петербурга, который позже назовут петербургским стилем, зародился еще на рубеже XIX и XX веков в среде мирискусников, но получил широкое распространение столетием позже. В постсоветском Петербурге тема локального архитектурного языка регулярно возникает в профессиональных дискуссиях о новой застройке, маркетинге недвижимости и градозащите. В отличие от московского стиля, курс которого был крепко дискредитирован экспериментами лужковского периода, петербургский по-прежнему владеет умами архитекторов: в 2025 году прошла проектно-исследовательская лаборатория «Петербургский стиль в архитектуре и дизайне». Лаборатория была организована Фондом поддержки инноваций и молодежных инициатив Санкт-Петербурга и стала очередной попыткой возродить поиски петербургской архитектурной и средовой самобытности.

Как бы ни относились архитекторы к самой идее петербургского стиля, их работы, особенно в историческом центре, становятся материалом для постоянной профессиональной рефлексии на тему соответствия гению места. Ее основными площадками стали Градостроительный совет, профессиональные форумы, а также мероприятия, организуемые отдельными организациями и объединениями: премия «Золотой Трезини», форсайты РБК, мероприятия Союза архитекторов, издательского дома «Балтикум», пространства KLAUZURA и др. К началу 2020-х стало очевидно, что диапазон художественных жанров, формирующих пресловутый петербургский стиль, сжался до нескольких вполне конкретных направлений: неоклассики, северно-

Пример мегапроекта последних лет — парк «Остров фортов» с Музеем военной морской славы в Кронштадте, 2021–2023 гг. Архитекторы: бюро «Меганом»

го модерна да «кирпичного стиля». И если порой еще случаются попытки реанимировать, например, ар-деко (ЖК Esper Club, 2021), то в русский стиль в Петербурге всерьез не играли, пожалуй, с момента постройки «Русского дома» (2018).

В числе примеров неоклассических реализаций последних лет — ЖК «Московский, 65» и клубный дом «Миръ» (оба — 2023), едва различимая неорусская тональность которого развивает тему соседнего Феодоровского храма. Северный модерн получает наибольшую популярность в жилье бизнес- и премиум-сегментов. Среди самых заметных — жилые комплексы Meltzer Hall (2025), «Северная корона» (2023), а также проектируемые клубные дома «Коллекционер» и «Серебряный век».

Для проектов, реализуемых на территории «серого пояса» или рядом с отдельными историческими фабриками, стало общим правило использование красного кирпича в отделке фасадов. Наиболее яркие примеры этого ряда — зеркальная

дисимметрия ЖК «Мануфактура» (2024) с историческим корпусом мануфактуры «Джеймс Бек» и отсылающий к северо-европейским доклендам ЖК «Петровская доминанта» (2022).

Важная часть архитектурной жизни Петербурга — работа с историческим наследием. По городу прокатилась волна обновления торжищ: Никольских рядов (2020), Василеостровского (2019) и модернистского Торжковского (2023) рынков; на очереди — Сытный рынок и Апраксин двор, реконструкцию которого в городе обсуждают по меньшей мере с начала 1990-х. В 2021 году закончилась десятилетняя реставрация доходного дома Вавельберга на Невском проспекте. В здании разместились пятизвездная гостиница и ресторан. В ряду самых ожидаемых открытий — приспособление Дома радио под многофункциональную культурную площадку и обновление Конюшенного ведомства. Во дворе последнего, согласно недавно утвержденной региональным комитетом по ох-

ране памятников концепции, разместится фестивальная площадка с фудкортом и ресторанами.

После десятилетий разрухи постепенно возвращаются к жизни памятники ленинградского авангарда. Одним из первых таких проектов стала реставрация Левашовского хлебозавода (1930–1933), завершившаяся в 2023 году. В здании экспериментального предприятия открылись офисы и культурно-деловое пространство с лекторием и экспозиционной зоной. С вниманием к историческим деталям отреставрировали Кондратьевский жилмассив (1929–1931; реновация — 2022): квартиры в нем предназначены для молодых семей по одной из социальных программ доступного жилья. «Красный

Яркий пример новой краснокирпичной архитектуры Петербурга — ЖК «Мануфактура» от «Студии 44» Никиты Явейна, 2024 г.

гвоздильщик» с иконической водонапорной башней авторства Якова Чернихова в 2024 году превратился в комплекс с офисами, выставочной галереей и Школой дизайна НИУ ВШЭ. Продолжается редевелопмент фабрики «Красное Знамя». Силовая подстанция фабрики, спроектированная Эрихом Мендельсоном, отреставрирована еще в 2019 году, однако будущая программа использования комплекса не определена.

Что до модернистского наследия, то к нему пока не наблюдается должного интереса ни от города, ни от инвесторов.

В числе редких исключений стоит отметить лишь Центр Курехина, который в нынешнем году открывается посетителям в реконструированном здании кинотеатра «Прибой» на Васильевском острове.

Если говорить о градостроительном масштабе, то пространством наиболее интенсивных преобразований последних лет становятся намывные территории, перекинувшиеся на остров Декабристов, площадка кампуса ИТМО в будущем городе-спутнике Южный, бывшие промзоны Петровского острова, конвертированные в жилые кварталы, а также Крон-

___ В постсоветском Петербурге тема локального архитектурного языка регулярно возникает в профессиональных дискуссиях о новой застройке, маркетинге недвижимости и градозащите ___

штадт с его новой жилой застройкой, проектом «Остров фортов» и Музеем военно-морской славы.

Эпоху определяют не только приобретения, но и утраты. Градозащитники обеспокоены сносом дореволюционной застройки в районе строительства развязки Большого Смоленского моста. Однако в числе наиболее значимых утрат — объекты советского времени: СКК «Петербургский» (сносен в 2020 году) и выставочный комплекс «Ленэкспо» (сносен в 2022 году) с павильонами периодов сталинской неоклассики и советского модернизма. В 2025 году ради строительства автомобильной набережной вырублен уникальный парк «Заросли» — зеленая территория на берегу Малой Невы, которая открылась для свободного доступа после переезда завода имени Калинина и несколько лет просуществовала в свободном режиме, став площадкой реализации низовых инициатив — субботников и соседских фестивалей.

Пока рано делать выводы о том, чем станут 2020-е для архитектурной истории Петербурга. Очевидно лишь, что эпоха медийных международных конкурсов, больших архитектурских жестов и имиджевых прожектов, задуманных в нулевые и по большей части реализованных в десятые, осталась в прошлом. На повестке дня — локальный масштаб, валоризация наследия, новая искренность метамодернизма и очередная итерация поисков собственного архитектурного языка.

Среда на Лобачевского

Возвращение парадной архитектуры: дома с московским характером

Слияние с городом

Панорамные виды
на каждую сторону света

Дома комфортной этажности

На пересечении
двух бульваров

Лицо нового района

Фронтальные фасады,
обращенные к прогулочной
зоне

Среда
городской девелопер

Так строится
ЖИЗНЬ

sreda.ru